

ЕЛЕНА

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

Логунова

СТРЕПА
ГПАМУРА

КЛЯЧА
В БЕПЫХ
ТАПОЧКАХ

Двойной смешной детектив

Елена Логунова

**Стрела гламура. Кляча
в белых тапочках**

«ЭКСМО»

2011

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Логунова Е. И.

Стрела гламура. Кляча в белых тапочках / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2011 — (Двойной смешной детектив)

ISBN 978-5-04-189928-8

Стрела гламура Тележурналистка Елена и ее боевая подруга Ирка изнывали от зимней скуки. Так что приглашение Иркиного родственника Андрея Курихина на свадьбу его дочери Катерины пришлось весьма кстати. Тем более, праздник намечался в комфортабельном коттедже на горнолыжном курорте. Но почему молодая жена такая хмурая и злая? Не иначе, пошла под венец из-под палки, ведь ее суженый – компаньон отца... Подозрения Елены и Ирки по секрету подтвердила подружка невесты – Катя собиралась замуж совсем за другого!.. Кляча в белых тапочках На столетний юбилей старейшей казачки Капитолины Спиногрызовой слетелись радио, телевидение, бизнесмены, спонсоры. Бабку на старости лет завалили подарками. Гуляли так бурно, что в конце торжества кое-кого из гостей недосчитались. Трагически погиб один из приглашенных, большой любитель выпить, газетчик Гена Конопкин. Его коллега, тележурналистка Елена, привыкшая во всем искать криминал, в случайность смерти приятеля не верит. Одновременно с кончиной Конопкина исчезло и семейное фото Спиногрызовых, которое помогло бы раскрыть тайну гибели незадачливого Генки, а также пролить свет на невинные забавы членов почтенной семейки. Теперь, чтобы найти редкую фотографию, Лене придется познакомиться поближе со всеми Спиногрызовыми, живыми и "мертвыми". А покойников день ото дня становится все больше, причем они не лежат спокойно на кладбище, а шлют приветы с того света, пропадают из могил, меняются местами и ведут такой активный образ жизни, что просто умереть можно!..

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-189928-8

© Логунова Е. И., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Стрела гламура	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Логунова

Стрела гламура

© Логунова Е. И., 2011

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Стрела гламура

1

– Зая, ты бесценный зверь! – восторженно заявил Василий Ложкин и от полноты чувств клюнул теплую кроличью башку вытянутыми в трубочку губами.

– Да не лезь ты к нему с поцелуями, только что сало ел! И руки жирные вымой! – прикрикнула на мужа Алиса.

Ложкин поспешно отпрянул от безразличного к ласкам и ругани Заи, поднял руки, как хирург перед операцией, и убежал в ванную.

Когда он с чисто вымытым лицом и стерильными руками, благоухающий мылом и зубной пастой, вернулся в комнату, Алиса придирчиво рассматривала кроличью шубку.

– Ну, как он? – спросил Ложкин, присаживаясь на диван рядом с супругой.

– Нормально, – сквозь зубы процедила она, продолжая прочесывать бело-розовый мех тонкими пальцами. – Остевой волос немного отрос, но подшерстка не прибавилось. Линяет!

– Краска линяет?! – испугался Ложкин.

– Он сам линяет! – объяснила Алиса. – Скоро весна, зимняя шуба меняется на летнюю, облегченную. Зая станет менее пушистым.

– Подурнеет, стало быть? – Ложкин расстроился и в сердцах хлопнул себя по коленке. – Эх! Детям нравятся круглые пушистые зайчики, а не тощие кролики для жарки!

– Пустяки, – отмахнулась Алиса. – Мы его клетку на балкон выставим, там холодно, на морозе шуба погуще станет. Видно, последние хозяева Заю баловали, все время в тепле держали.

– Ой, да они в него просто влюбились! – переменчивый Ложкин раздумал огорчаться и восторженно всплеснул руками. – Чесали, купали, кормили отборными овощами! Когти Зае маникюрюли! Специальный домик для него построили!

– Пятьсот баксов отступного нам отвалили, не торгуясь! – поддакнула Алиса.

– Зая, ты просто сокровище! – искренне повторил Ложкин, почесав кролика между ушами. – И ты, Алисочка, тоже!

– Недурной бизнес мы с тобой организовали, да, Васюля? – супруга улыбнулась и ласково потрепала одной рукой кроличью башку, а второй— мужнюю голову.

Семейный бизнес Ложкиных придумала Алиса, когда ее по жалобе вздорной, но богатой клиентки уволили из дорогого парикмахерского салона. Работать за три копейки в дешевой цирюльне Алисе не хотелось, а за место в приличном салоне надо было драться. Драться тоже не хотелось. Хотелось получать хорошие деньги, не прилагая к тому особых усилий.

Этим простым и понятным желанием Алису заразил супруг. Василий Ложкин к своим двадцати семи годам перепробовал множество занятий, но ни на одном из них не смог остановиться. В свое время он торговал вразнос эксклюзивной литературой, потом немного побыл челноком, а затем опрометчиво подставил свои плечи под финансовую пирамиду, которая рухнула, несмотря на посильную поддержку, оказанную ей Ложкиным и еще миллионом доверчивых граждан. Василий переквалифицировался в страховые агенты и некоторое время донимал знакомых предложениями оформить на выгодных условиях полис-другой. Затем его увлекла идея распространения косметической продукции по каталогу, и он с полгода бережно окупывал и окучивал новое парфюмерное дерево, пока не понял, что оно плодоносит на чужом участке. Ложкин начал разводить на продажу аквариумных рыбок. Рыбки сдохли. Он попробовал торговать подержанными сотовыми телефонами, но был за этим делом задержан милицией и едва отвертелся от обвинений в воровстве. С телефонами пришлось завязать, потому что откровенно криминальный бизнес Василию претил. Другое дело – легкое, изящное мошенничество!

Алиса Ложкина, умевшая мастерски обращаться с инструментами для стрижки и красками для волос, посидев без работы один месяц и потолстев от безделья и скуки на два килограмма, выдала на-гора свежую идею. Для ее реализации нужен был совершенно ничтожный стартовый капитал: меньше ста долларов. На эти деньги были куплены: один белый кролик, одна машинка для стрижки и один тюбик стойкой краски для волос оттенка «розовый жемчуг».

В порыве вдохновения Алиса виртуозно подстригла мех на спине кролика легкими волнами, наподобие стиральной доски, а потом еще покрасила их розовым.

– Гламурненько! – довольно сказала она, оглядев результаты своего труда.

Гламурный кролик был дивно хорош, и предприимчивые супруги не сомневались, что его удастся продать за кругленькую сумму. Алиса уже составляла, сверяясь со своим старым блокнотом, список телефонов богатых клиенток, чтобы выставить Заю на аукцион, когда выяснилось, что у кролика есть одна прелюбопытная особенность. Зая обожал фиалки. За букетик этих скромных лесных цветов кролик готов был продать свою звериную душу.

Впервые увидев, как кроткий, ко всему безразличный Зая тигром прыгает на вазочку с цветами, Ложкины не поверили своим глазам, но затем провели серию экспериментов. Попыты показали, что в погоне за фиалками кролик прыгает в высоту до двух с половиной метров, в длину до четырех, вплавь преодолевает водные преграды и не считает препятствиями закрытые окна и остекленные двери. Ложкины поняли, что в лице, точнее, в морде Заи приобрели настоящее сокровище. Первоначальная схема, предполагавшая банальную продажу одного крашеного кролика и покупку на вырученные деньги двух натуральных, затем окраску и продажу двух кролей, покупку четырех – и так далее, была изменена.

Заю не продавали, а подкидывали, как младенца, на порог богатого дома, где жила семья с детьми. Наличие детей было обязательным условием. На начальном этапе операции дети ломали слабое сопротивление родителей, убеждая их усыновить нового четвероногого друга. Потом они закармливали кролика тепличной зеленью и отборными овощами, перекладывая в Заину миску лакомые вегетарианские кусочки из своих тарелок. И они же, детки, рыдали взахлеб, не желая расставаться с ушастым любимцем, когда за приبلудным Заей приходил его законный хозяин – Василий Ложкин. Дети горько плакали и в отчаянной надежде смотрели на родителей большими влажными глазами, мамы жалостливо вздыхали, а благородные папы доставали кошельки и предлагали Василию отступное.

Ложкин был благороден и великодушен – в разумных пределах, конечно. Он проникался детским горем, принимал деньги – якобы на приобретение нового редкого кролика для себя самого – и оставлял новым хозяевам так полюбившегося им Заю. А некоторое время спустя под покровом ночи Василий приходил к тому же дому с платочком, мокрым от пропитавшей его парфюмерной эссенции «Аромат фиалки, идентичный натуральному». Фиалкозависимый кролик неизменно приходил на цветочное благоухание, возвращался в квартиру Ложкиных, и все начиналось сначала.

– Я его немного подкрасу и придам форму шубе, – сказала Алиса. – К субботе Зая будет готов.

– Правильно, к субботе, – кивнул Василий.

По опыту он знал, что выходной день – самое лучшее время для начала очередной операции «Подметный кролик». В субботу Зая познакомится со своими новыми хозяевами, но сначала сам Василий проведет строгий отбор среди потенциальных кролиководовладельцев.

Зае нужна хорошая, дружная семья с детьми или одним ребенком, но обязательно любимым. Ребенок должен быть добродушным баловнем с крепким характером, маленьким домашним тираном, умеющим настоять на своем.

Ложкин прекрасно знал, где искать такого малыша.

2

– Хочу вот это! – маленький розовый пальчик уперся в блестящую цветную коробку.

– Это? – Я наклонилась, рассматривая ценник, прилепленный к полке большого стеллажа, плотно, в четыре этажа, заставленного дорогими игрушками.

На ценнике аккуратным школярским почерком с наклоном вправо было выведено: «Крокодил, идущий на свет».

– Не понял! – озадаченно пробормотал Колян и оглянулся в поисках продавца-консультанта.

Девушка в униформе с логотипом магазина игрушек «Мир детства» скучала вблизи циклопического сооружения из коробок с куклами и с виду напоминающего скифский курган. Братско-сестринскую могилу Кенов и Барби аккуратной оградкой опоясывали коробки с кукольной мебелью, посудой, одеждой, оружием и прочими предметами, необходимыми, согласно языческим верованиям, для ведения активной загробной жизни. С противоположной стороны к кургану по-пластунски подобралась незамеченной маленькая девочка в оранжевой шубке. Сосредоточенно пыхтя, она потянула на себя большую плоскую коробку из основания кучи.

– Детка, тебе это не нужно! – пытаюсь препятствовать обрушению пирамиды, устало увещевала энергичную девочку ее гораздо менее энергичная мама. – У тебя уже есть такая игрушка!

– Детка, тебе это не нужно! – на лету уловив подсказку, повторила я, обращаясь к собственному сынишке.

– У меня еще нет такой игрушки! – резонно возразил Масыня.

– Девушка, можно вас на минуточку? – Колян призывно помахал ручкой охраннице кукольной гробницы. – Расскажите нам, пожалуйста, что это такое?

Он тоже постучал пальцем по лакированной картонной коробке и замолчал, заинтересованно ожидая ответа.

– Это крокодил, идущий на свет, – предупредительно ответила продавщица.

– На тот или на этот?

– Э-э-э-э...

– Этот? – подсказала я.

– Или, может быть, на свет в конце туннеля? – азартно предположил Колян.

– Или даже на свет истины? – спросила я.

Озадаченная продавщица сняла коробку с полки и повертела ее в руках, разглядывая красивую цветную картинку. На ней был изображен нежно-зеленый, как молодой салатный лист, крокодилчик с доверчивыми голубыми глазами. Крокодильи очи были вытарашены и напряженно скошены к переносице. Вероятно, рептилия тщетно пыталась сфокусировать взгляд на тонком красном луче, упирающемся в ее курносое рыло. Картинка не давала ответа на вопрос, откуда взялся рубиновый луч, но не возникало никаких сомнений, что крокодил данным явлением очень удивлен и заинтересован. Мы с Коляном в полной мере разделяли его чувства.

– Любопытно, где прячется источник света? – пробормотал мой муж, заглядываясь на коробку поверх плеча продавщицы.

– Горе, горе! Крокодил наше солнце проглотил! – выдал свою версию Масыня.

– Нет там никакого солнца! – возразила продавщица. – Это игрушка с фотоэлементами.

В комплект, кроме крокодила, входит еще лазерный пистолет.

– Ага! Так, значит, он действительно идет на тот свет! – кровожадно обрадовался Колян.

– Крокодил, идущий на свет и умирающий просветленным! – с чувством пробормотала я. Аллигатора-мученика уже было жалко.

– В него нужно попасть три раза, – объяснила бессердечная продавщица. – Тогда он споет свою песню и умрет.

– Последняя крокодилья песня! – я едва не пустила слезу.

– Наверное, эта игрушка индийского производства? – деловито спросил Колян.

– Почему – индийского? – опешила продавщица.

– Потому что в Индии есть крокодилы, и только в индийском кино герои перед смертью поют песни, – объяснил мой эрудированный супруг.

– Неправда! – не согласилась я. – В нашем кино героям тоже случается умирать с песней на устах! Вспомни крейсер «Варяг»!

– Врагу не сдае-отся наш гордый «Варяг»! – отчаянно картавя, затянул Масыня.

– А что именно поет умирающий крокодил? – оборвав прочувствованную песню про «гойдый «Ваяг», мой любознательный супруг снова обратился к продавщице.

– Песенку Крокодила Гены из популярного мультфильма, – ответила она. – Со словами: «А я играю на гармошке у прохожих на виду...»

– К сожаленью, день рожденья только раз в году! – с готовностью сменил репертуар Масыня.

– По ситуации этому крокодилу больше подошла бы песенка про день смерти, наступающий для него, к сожаленью, неоднократно, – заметила я.

– Так вы будете брать игрушку или как? – потеряв терпение, спросила девушка.

Я посмотрела на сынишку.

– Жил да был крокодил, он по городу ходил! – с энтузиазмом возвестил Масыня. – Крокодил, Крокодил Крокодилович!

С этими словами ребенок бесцеремонно вырвал коробку из рук продавщицы. Стало ясно, что Крокодил Крокодилович прямо сейчас пойдет по городу в нашей дружной компании.

– Берем в семью, – резюмировал Колян.

Мы проследовали к кассе – Масыня нежно прижимал к груди приговоренного к многократному расстрелу Крокодила Крокодиловича – и расплатились.

– Спасибо за покупку, приходите еще! – вежливо сказала нам девушка на кассе.

Ба-бах! Позади нас в торговом зале шумно обрушилась гора кукольных коробок, подточенная маленькой девочкой в оранжевой шубке. Девочка заревела басом, ее мама взвизгнула дискантом, послышались звуки шлепков, продавщицы разноголосо заахали.

– Обязательно придем! – оглянувшись, пообещал Колян. – У вас тут так интересно!

Вообще-то мы на скуку тоже не жалуемся. Семейство у нас небольшое, но дружное, развлечения мы находим на пустом месте, а уж если есть серьезный повод повеселиться – тут только держись! Да не просто держись, а хватайся – то за голову, то за сердце, то за ремень, то за кошелек. Выходные дни, которые ребенок и его родители проводят вместе, это время больших растрат денежных средств и нервной энергии. Иногда, правда, одно можно сэкономить за счет другого, именно поэтому мы с Коляном завели традицию по субботам покупать нашему малышу новые игрушки, книжки и фильмы. Пока ребенок вплотную занимается своим новым приобретением, мама с папой могут хоть немного отдохнуть.

В плотный контакт с Крокодилом Крокодиловичем Масыня вступил уже в доме моей лучшей подруги Ирки, куда мы отправились прямо из «Мира детства».

Человека, который неотступно следовал за нами по пятам от прилавка игрушечного магазина до стоянки такси, мы не заметили. Тем более мы не обратили никакого внимания на машину, увязавшуюся за нашим наемным экипажем.

Было морозное и солнечное февральское утро, обледенелые обочины дороги и заснеженные поля по обе ее стороны искрились, как бескрайний солончак, прорезанный караванной тропой. В синем небе редкой сетью растянулись перистые облака. Воздух был свежим, настроение прекрасным, и ничто не предвещало беды.

А когда ее что-нибудь предвещало?

3

– Неправильное название дали магазину игрушек, – сердито язвила Ирка, прислушиваясь к звукам ожесточенной пальбы, доносящимся из коридора.

Оружие для охоты на крокодила не только испускало из себя лучик, но и исторгало пугающие звуки.

– Надо было не просто «Мир детства» назвать, а шире – «Война и мир детства»! – сказала подруга.

– А-а-а-а! – страшно заорал крокодил, в очередной раз пораженный лазерным лучом.

И он тут же без всякой паузы запел с большим чувством и ярко выраженным китайским акцентом:

– Пустя бегуть неуклюзя писиходы па лужам!

– Слово «писиходы» звучит как-то подозрительно! – покачив головой, заметила я. – Угадывается в нем что-то такое...

– Точно! Хотя зримо представить себе «писиходное» движение я лично затрудняюсь! – поддакнул Колян.

– Ма-а-амочка! – заревел Масяня. – Мамулечка! Посмотри, крокодильчик описался!

– Смотри-ка, не затруднился! – заметила я и выглянула в коридор.

Нежно-зеленый Крокодил Крокодилович затейливо петлял по полу, оставляя на линолеуме влажный след.

– Так вот, значит, каков он – писиход, бегущий по лужам! – пробормотала я.

И посмотрела в дальний конец коридора, где в тупике помещалась ванная комната. На полу у порога поблескивала россыпь микроскопических лужиц.

– Там кто-то что-то разбрызгал, – сообщила я Ирке.

Хозяйка дома тоже выглянула в коридор, поморгала, приглядываясь, и с нескрываемой досадой сказала:

– Опять Катька мокрыми руками на ходу трясла! Что за привычка такая дурацкая, руки помыть и полотенцем не вытереть! Ну никакого воспитания у девицы!

– Колюшка, уйдите с мокрого, поиграйте с крокодильчиком в комнате! – крикнула я Масяне. – Там ковер зеленый, совсем как травка, крокодилу очень понравится!

Мася с приговоренным крокодилом под звуки стрельбы переместились в гостиную, а мы с Иркой вернулись в кухню.

– А кто занимается Катиным воспитанием? – спросила я, продолжая тему, открытую подругой.

– А никто! – сердито буркнула она. – Матери у нее нет, отец все время делами занят, а нянек у девятнадцатилетней детки нету! Если меня не считать, конечно.

– Тебя считать нельзя, ты с ней видишься раз в год, по большим праздникам, – возразила я.

– Потому что они очень замкнутые люди, эти Курихины! – обиженно заявила Ирка. – К нам в гости ходят редко, а к себе и вовсе не зовут. Родственники, называется!

– Ти-хо! – шепнул Колян, прислушиваясь.

Мимо открытой двери кухни по коридору босиком проследовала простоволосая Катерина в сером холщовом балахоне средневекового пилигрима.

– Странная она девица, что ни говори! По-моему, барышня слегка того! – шепнула Ирка, кивнув на дверной проем.

Катя шла, крепко зажмурив глаза и вытянув перед собой руки. Голые пятки звучно шлепали по влажному линолеуму. Катерина здорово походила на сомнамбулу, прогулочным шагом

отправившуюся в последний путь к краю крыши и далее транзитом на тот свет. При этом она не выглядела сколько-нибудь просветленной.

Я проводила босоногую странницу внимательным взглядом и согласилась с подругой:

– Да, девушка довольно необычная.

– Да будет вам, девочки! По-вашему, если человек сразу же честно и прямо сказал, что очень любит холодец, так он сразу ненормальный? – по-своему вступился за Катерину Колян.

Мой муж тоже очень любит холодец, о чем не стесняется говорить сразу, честно и прямо. Высказавшись в защиту Катерины, он с большим интересом заглянул через плечо Ирки в полуведерную эмалированную кастрюлю, озадаченно поморгал, вздрогнул и слегка попятился. Не знаю, что он там ожидал увидеть. В кипящей воде весело кувыркались разнообразные неаппетитные фрагменты парнокопытных и пернатых: свиные уши, куриные лапы и говяжьи хвосты. Ирка по просьбе больших любителей холодца готовила свино-курино-говяжий студень по своему фирменному рецепту.

– Да при чем тут холодец? – уже громче огрызнулась подруга, ложкой с дырками размеренно выуживая из кастрюли и сердито стряхивая в раковину клочья необыкновенно густой пены, похожие на обрывки разодранного на куски поролонового матраса. – Вы только посмотрите на нее! Я ничего не говорю о Каткиной манере одеваться в стиле смиренной странницы по святым местам и пренебрегать домашней обувью, это дело вкуса и привычки. Но она же ходит по дому с закрытыми глазами, как Слепой Пью!

– У старого пирата Слепого Пью на глазах была черная повязка! – зачем-то вспомнил Колян. – И деревянная нога! А у Катерины глаза и ноги в порядке.

– В отличие от головы! – снова съязвила Ирка. – Нехорошо так говорить о родне, но Катерина совершенно точно чокнутая! Представьте, вчера вечером она сняла со своего окна уличный термометр и полчаса держала его в руке, пытаясь усилием воли поднять столбик до сорока градусов. Спрашивается, зачем?

– Можно подумать, в этом доме нет больше ничего сорокаградусного! – согласился Колян, прозрачно намекая на содержимое знаменитого вино-водочного погреба Максимовых.

– А сегодня утром она в той же позиции минут десять торчала в окне с зеркальцем: хотела отраженным лучом запалить лучину! – доложила подруга.

– Как Архимед? – заинтересовался Колян.

– Архимед тоже зажигал лучину? – удивилась Ирка.

Я представила себе древнегреческого математика в тоге и с жужжащей прялочкой и хихикнула:

– Нет, лучину он не палил. По легенде, Архимед поджигал отраженным и сфокусированным с помощью зеркала солнечным лучом вражеские корабли. Это была передовая древнегреческая военная техника.

– В наше время она примерно так же актуальна, как лучина! – фыркнула подруга. – Кроме того, я не допускаю мысли, чтобы к нашему дому подбирались вражеские корабли.

– Разве что снегоходы? – подал мысль Колян.

Мысль была дурацкая, потому что снег в поле лежал таким же тонким слоем, как масло на больничном бутерброде, и продолжения тема необычных транспортных средств не получила.

– Какие-то идиотские эксперименты, вам не кажется? – продолжая злобствовать, спросила Ирка. – Наверное, Катерина сама это понимает, потому и ходит по дому с закрытыми глазами, стесняется нормальным людям в глаза смотреть!

– Нет, с закрытыми глазами Катя ходит по другой причине. Она тренирует кожное зрение, – усмехнувшись, объяснила я. – Я видела у нее в комнате пособие по развитию сверхъестественных сил, самоучитель «Практические приемы экстрасенсорики». Похоже, племянница Моржика искренне верит в телепатию, телекинез, ясновидение и воспламенение взглядом.

– Ей придется очень сильно постараться, чтобы хоть кого-нибудь воспламенить! – злобно пробурчала Ирка. – Вот это действительно сверхъестественная задача – пленить мужчину таким постным лицом, блеклой паклей на голове и фигурой, похожей на примороженную яблоньку, обглоданную зайцами! Впрочем, под бесформенной рясой фигуры вообще не видно.

– Ирусик, не рычи! – миролюбиво попросила я.

Это было совсем не похоже на Ирку – так зло высказываться в адрес безобидного, в общем-то, существа. Обычно моя подруга чрезвычайно добросердечна, дружелюбна и гостеприимна, но появление в доме Катерины застало ее врасплох и нарушило планы, а вот этого она не любит. Да и кому понравится не по доброй воле исполнять роль строгого стража при избалованной девятнадцатилетней дурочке, которую строгий папа отправил в ссылку к бедным родственникам в наказание за систематически проявляемое непослушание? Моя подруга в мамки-няньки не нанималась, ей Катерина даже не родня, она двоюродная племянница Моржика, Иркиного мужа. А Моржик как раз уехал в очередную деловую командировку.

Моя подруга своего мужа нежно любит и очень по нему скучает, но дурное настроение Ирки объяснялось не только этим. Густое варево в кастрюле ненормально пенилось, и Ирку сей факт очень сильно нервировал. Приготовить фирменный холодец ее попросила именно Катерина, и, несмотря ни на что, Ирка твердо намеревалась блеснуть перед юной родственницей мужа своими недюжинными кулинарными талантами.

– И вовсе не такая она страшенькая, эта Катя! – снова вступился за девушку добрый Колян.

Я промолчала. Племянницу Моржика я впервые увидела сегодня утром, и ее внешность не произвела на меня сокрушительного впечатления. Как правило, девицы в девятнадцать лет гораздо более милы и хороши, нежели в сорок девять, но Катин случай выглядел исключением. Глядя на нее, трудно было с уверенностью сказать, девятнадцать ей или уже сорок девять. Фигуру барышни под балахоном я не разглядела, а лицо у нее было совершенно обыкновенное, я бы даже сказала – никакое. Если не считать одинокой бархатной родинки на щеке, не лицо, а чистый холст, на котором можно рисовать что угодно. Вроде черты правильные, но мимика невыразительная, и прическа под стать физиономии, без затей – серые волосы распущены старым просыпным венником. Наверное, если бы Катерина дала себе труд заняться собственной наружностью, она смотрелась бы не хуже других. Ей бы не мысли читать, а женские журналы с советами по практической косметологии!

Я решила поинтересоваться у Ирки: всегда ли Катерина пренебрегала заботами о своей внешности, уже открыла рот и начала:

– А...

– А-а-а-а! – истошно завопил в гостиной подрасстрельный крокодил.

Под звуки лебедино-крокодилей песни про неуклюжих «писиходов» в коридоре опять влажно зашлепало. Звук был такой, словно по линолеуму размеренно и неспешно скакала большая мокрая жаба. Мы замолчали, подождали, пока Катерина плавной поступью лунатички минует открытый дверной проем, а затем Ирка фыркнула и с недоброй усмешкой сказала:

– Действительно, необыкновенная красавица! Прямо-таки Царевна-лягушка!

– Просто она своеобразная, – примирительно сказала я.

Нападки рассерженной подруги на кроткую Катю мне уже изрядно надоели.

– Тра-та-та! – снова бодро затрещал лазерный пистолет.

В кухню, спасаясь от погони, вкатился игрушечный крокодил, преследуемый по пятам вооруженным Масяней.

– Куда?! – гаркнула я, перехватывая бегущего малыша.

Идея совместить пищеблок со стрельбищем мне не понравилась, но соскучившемуся Масяне общества одного безответного аллигатора было уже недостаточно. Он вывернулся из моих рук и с разбегу вскарабкался на папу.

– Колюша! – Колян крикнул и тут же начал придумывать, чем занять общительного ребенка. – Пойди посмотри, что там делает тетя Катя.

– Катя посолила снег! – весело прыгая на папиных коленях, сообщил Масыня.

Услышав это неожиданное заявление, Ирка оторвала напряженный взгляд от кастрюли, неумоимо и в большом количестве вырабатывающей пышную белую пену, и недоверчиво посмотрела на разговорчивого малыша:

– Что, что сделала Катя?

– Утром она посолила снег, – повторил Масы. – Вот так!

Он перегнулся через плечо Коляна, проворно сцапал со стола солонку и размашисто, в стиле сеятеля, посыпал пол мелкой солью.

– Масы, нет! – в один голос возмущенно закричали мы с Коляном.

– Соль рассыпалась – это наверняка к ссоре или беде! – огорчилась Ирка. – Ой, какая дурная примета!

Она поспешно подобрала щепотку белого порошка и бросила ее через левое плечо. По правилам, чтобы нейтрализовать негативное воздействие рассыпанной соли, нужно было еще трижды плюнуть в том же направлении, но этого подружка с учетом близости кастрюли с бульоном делать не стала. Наверное, именно поэтому несчастье, которое предвещала дурная примета, не замедлило произойти.

– Ладно, мы с Масыней пойдем отсюда, не будем вам мешать! – Колян подхватил на руки маленького хулигана и понес его прочь из кухни.

Масыня отбрыкивался и яростно палил куда попало из лазерного пистолета, но умудренный опытом Крокодил Крокодилович отсиживался в укрытии под столом и под шквальный огонь не попал.

– Интересно, зачем Катерина солила снег? – машинально лизнув свой палец в панировке из соленого порошка, задумалась Ирка. – Может быть, она ворожила? Вышла утречком на крылечко, написала на снегу имя суженого-ряженого и хорошенько присолила сугроб?

– Зачем это? – удивилась я.

– Не знаю. Может быть, чтобы любовь была крепкой и не портилась долго, как бочковые огурцы в ядреном рассоле! – предположила Ирка.

Я в ворожке, мягко говоря, несильна, да и за подругой прежде особого интереса к колдовским обрядам не наблюдалось, а вот от Катерины можно было ожидать чего угодно. Я не поленилась подойти к окну, дернула на себя раму, перегнулась через подоконник и внимательно рассмотрела тонкий снежный ковер во дворе. Вроде никаких рун и каббалистических знаков...

– Может, Катя сыпала соль с крыльца, чтобы ноги на ступеньках не скользили? – вслух подумала я, возвращаясь к столу и вновь принимаясь за картошку, которую вызвалась почистить совершенно добровольно, только чтобы не участвовать в шумном сафари на аллигатора.

– Это ж сколько соли надо было бы высыпать? – усомнилась подруга. – Нет, определенно, она опять проделывала какие-то дурацкие опыты. Говорю же, девица очень стран...

– Тише! – одернула я.

По линолеуму коридора снова мокро шлепала лягушка-квакушка. Плюх, плюх, плюх! Пауза. Я посмотрела на проем: на сей раз Катерина не прошла мимо открытой двери.

– Лена, Ира! А я вас вижу! – потусторонним голосом с недобрый ликованием возвестила она, входя в кухню.

Глаза у нее по-прежнему были закрыты, руки вытянуты вперед. Тонкие белые пальцы беспокойно шевелились.

– Поднимите мне веки, опустите мне руки! – нервно хмыкнула Ирка, звякнув ложкой о кастрюлю.

– Ира, я все вижу! Ты сейчас стоишь у газовой плиты! – с завыванием сообщила Катерина, медленно двигаясь в указанном направлении. – Я вижу, что ты смотришь на меня и держишь в руке какой-то небольшой предмет из металла!

– Этот предмет называется «ложка»! – ехидно сказала подруга, посторонившись с пути зажмурившейся ясновидящей.

– А металл называется «нержавеющая сталь»! – доброжелательно подсказала я.

– А еще на плите имеется металлический предмет побольше, – подхватила Ирка. – Он называется «кастрюля», убери-ка руки, пока не...

– Тра-та-та-та-та! – Мася, как настоящий спецназовец, кувыркком ввалился из коридора в кухню, в падении прицельно стреляя под стол из своего лазерного оружия.

– А-а-а-а! – взревел раненый крокодил.

Он в панике выкатился из-под стола и с разгону ткнулся рылом в босую ногу Катерины.

– Ой, что это?!

Испугавшись, Катя открыла глаза, увидела буксующего внизу аллигатора, поспешно отдернула ногу и пошатнулась. Выправляя равновесие, взмахнула руками и зацепила кастрюлю с недоваренным холодцом.

Шварк! Пятилитровая емкость с горячим варевом полетела с плиты вниз и грохнулась на пол, залив бульоном все вокруг. Как живые, разбежались в разные стороны куриные лапы, свиные уши и говяжьи хвосты. Зеленого крокодила волной унесло обратно под стол. Негодуяще вскрикнула Ирка. Громко заорала Катерина.

– Катя, ты ошпарилась?! – Я вскочила из-за стола, за которым чистила картошку.

Поскользнулась на недоваренном свином ухе, чуть не упала, уронила нож и бросилась по мокрому полу к вопящей Катерине. Ноги на жирном разъезжались, как на льду, тапки противно чавкали.

– Ленка, живо, давай снимем с нее мокрую ряску! Коля, Масяня, идите отсюда, не путайтесь под ногами! Катька, руки подними! – бешено командовала Ирка.

В четыре руки мы с подругой стащили с подвывающей Кати сермяжный балахон и выяснили, что плотная ткань кое-как защитила ее от серьезного ожога. Правда, одна нога Катерины выше колена все-таки была ошпарена и сильно покраснела, но причиной громкого вопля пострадавшей было не только это.

– Мне кастрюля на левую ногу упала, углом, очень больно! – уже не крича, но шипя от боли, пожаловалась Катерина. – Может, у меня там перелом?

– Сама идти можешь? – спросила Ирка.

– Вряд ли, – ответила Катька – и даже пробовать не стала.

Мы с Ирккой под ручки провели несчастную дурочку на мелководе – к столу, усадили на табурет и осмотрели ее левую ногу.

– С виду вроде целая, – хмурясь, неуверенно сказала Ирка. – Пальцами пошевели!

– Кажется, не могу, – так же неуверенно ответила Катька.

– Ясновидящая! – пробурчала Ирка. – Что, не ждала перелома, нострадамочка?

– Не каркай! – оборвала ее я. – Может, никакого перелома и нет, только трещина или вообще ушиб. Надо рентген сделать. Тащи ее в комнату и одевай. Катька, не реви! Я сейчас тоже оденусь, выгоню из гаража машину и отвезу тебя в травмпункт.

– Почему ты, а не я? – вскинулась Ирка.

Подружка не любит, когда я сажусь за руль ее «шестерки». Она не в восторге от моей манеры влетать в поворот на двух боковых колесах.

– Кому-то придется заняться истреблением жирной лужи в кухне, – напомнила я. – Не дай бог, твой хваленый холодец застынет прямо на полу! Потом еще нужно будет приготовить обед, Колян с Масяней скоро попросят кушать, а ты у нас гораздо лучшая кулинарка, чем я.

Смягченная комплиментом, Ирка прекратила спорить и повела Катерину собираться. Я мимоходом отчитала сорванца Масыню за стрельбу в общественном месте, тоже облачилась, вывела из гаража «шестерку» и дождалась выхода охромевшей Катерины.

– Ты зачем обулась? Не нужно было лишней раз травмировать поврежденную ногу! – упрекнула я неразумную девчонку, увидев, что она влезла в узкие высокие сапоги, да еще на каблуках!

– Я ей предлагала обуть Моржиковы валенки, в которых он на зимнюю рыбалку ходит, но она отказалась наотрез! – тут же нажаловалась на родственницу Ирка. – Пижонка!

Я удивленно посмотрела на Катерину. Странная какая-то пижонка, избирательная: одеваться согласна в рубище, а обуваться – только в модельные сапоги! Впрочем, выходя из дома, Катя надела поверх очередной скучной рясы хорошенькую бобровую шубку. Может, имидж сиротки-бродяжки у нее только для внутреннего пользования, для узкого круга родных и близких?

– Все, езжайте скорее, пока нога не распухла, а то потом придется сапог резать, чтобы разуться! – поторопила нас Ирка.

Она заботливо усадила болезненно охающую Катерину на заднее сиденье, я села за руль, и мы покатили в город, в травмпункт.

4

Катя меня удивила. Я-то думала, избалованная девчонка всю дорогу до травмпункта будет жалобно ныть и причитать, а то и вовсе хлопнется без чувств. А она не плакала от боли, не скулила, держалась молодцом. Морщилась, кривила губы, с преувеличенным интересом смотрела в окошко и оживленно рассказывала мне, что там такого интересного наблюдается – отвлекала и себя, и меня восторженными восклицаниями типа: «Ой, какой смешной драндулет!» или «Лен, ты только посмотри, какая шикарная тачка!».

Я, сознавая серьезность момента и важность своей задачи, на посторонние раздражители не отвлекалась. Дорога была скользкой, машина показывала характер, а я торопилась доставить пострадавшую к врачу. Шикарные тачки, смешные драндулеты и прочие участники дорожного движения интересовали меня только как потенциально опасные объекты, тесный контакт с которыми крайне нежелателен. Даже если бы по соседней полосе тянулся караван верблюдов, я не стала бы на него заглядываться.

Тактика была правильная, доехали мы быстро и без происшествий, но в травмпункте сразу же столкнулись с проблемой.

– Паспорт и медицинский полис давайте, – повелела хмурая тетка в регистратуре.

Я вопросительно посмотрела на Катерину. Она выразительно развела руками.

– Без паспорта и полиса не принимаем, – сказала на это регистраторша.

– Девушка, милая! У человека нога сломана, срочно нужна медицинская помощь, давайте не будем бюрократию разводять! – попросила я. – Ну, до бумажек ли нам сейчас?

Не смягченная комплиментом, «милая девушка» предпенсионного возраста вместо ответа со стуком закрыла фанеркой свою амбразуру в стеклянной стене.

Катерина удрученно вздохнула.

– Ничего страшного, не волнуйся, я найду подходящую бумажку, – успокоила ее я, доставая из кошелька сторублевку.

При виде денежной купюры тетка подобрела, закрыла глаза на отсутствие документов, выписала нам какой-то квиточек и послала не туда, куда могла бы, а к рентгенологу.

– Ты почему паспорт с собой не носишь? – попеняла я Катерине в коридоре. – В нашей стране очень вредно не иметь при себе удостоверения личности. Никогда не знаешь, в какой момент придется доказывать, что ты не верблюд.

Воображаемые верблюды привязались ко мне основательно.

– Паспорт мой дома лежит, у папы в кабинете, – виновато ответила девчонка.

– В сейфе? – я вспомнила, что строгий папа Катерины, по словам Ирки, стремится всячески ограничивать гражданские свободы взрослой дочери.

– Почему обязательно в сейфе? – удивилась Катька. – Просто в столе, с другими документами. Не в кармане же мне его носить? Потеряю.

– Почему обязательно в кармане? – очень похоже удивилась я. – Носи в сумочке.

– Сумочки я тоже теряю, – Катерина усмехнулась и тут же болезненно поморщилась.

Хотя я подставила плечо, шагала она медленно, приволакивая левую ногу. Видно было, что ступать на нее Катьке больно.

Мы подошли к облезлой двери с заляпанной белой краской табличкой «Рентгенологический кабинет». Над дверным проемом имелось примитивное световое табло. На нем слева зелеными буквами было написано: «Входить», а справа красными – «Не входить». Лампочка внутри короба не горела, так что было непонятно, можно нам вторгаться в кабинет или нельзя.

– погоди, давай передохнем одну минуточку, – отдуваясь, попросила Катя.

– Отдохнешь в кабинете, – возразила я и потянулась к ручке двери.

– Не спеши! Я пить хочу, – пожаловалась Катерина. – Можно здесь что-нибудь попить?

– Здесь? – я огляделась.

По другую сторону коридора имелась каморка, дверь которой была открыта, что позволяло видеть допотопный жестяной умывальник. В помятую раковину из потемневшего латунного крана занудно капала вода. Видно, давненько капала, потому что на эмали образовалась некрасивая коричневая дорожка.

– Здесь лучше не пить, – рассудила я. – Козленочком станешь.

– Через дорогу я видела магазины, – продолжала зудеть капризная барышня. – Пожалуйста, сбегай туда, купи мне попить! А я пока на рентген схожу.

Страдалица жалобно хлопала ресничками. Я вздохнула и пошла добывать ей питье.

– Купи мне, пожалуйста, сок из маракуйи! – крикнула Катерина мне в спину.

Желания больных надо уважать, но сока из маракуйи в магазинах не нашлось. Чтобы выяснить это, мне пришлось одну за другой обойти четыре торговые точки: три ларька и один продовольственный магазин со странным названием «Агрепина». Мне помнилось, что редкое женское имя Агриппина пишется иначе. Может, надпись следует читать как ФИО владелицы, которую зовут А.Г. Репина? Засмотревшись на вывеску, я остановилась, но задержаться на ступеньках мне не позволили. Распахнувшаяся дверь едва не смахнула меня с крыльца, я очнулась от несвоевременных раздумий, пропустила какого-то торопыгу с полным пакетом продуктов и вошла в торговое заведение.

Спросила, естественно, сок из маракуйи. Продавщица с подозрением выслушала название тропического фрукта и предложила взять морковно-банановый нектар. Я сочла эту смесь достаточно оригинальной, чтобы удовлетворить запросы гурманши Катерины, и с бутылочкой серо-бурой жижи вернулась в травмпункт. С того момента, как мы с Катькой расстались, прошло минут десять.

У рентгенкабинета моей больной не было. Я вопросительно посмотрела на разрешительно-запретительное табло, но оно по-прежнему никак себя не проявляло. Я решила, что Катька вошла в кабинет, и минут пять ждала ее выхода, а потом не выдержала, толкнула дверь и вежливо спросила:

– Извините, можно?

– Можно, все можно, – добродушным басом отозвался кто-то из смежной комнаты, где было темно, так что говорящего я не разглядела.

Катки я тоже нигде не увидела и поэтому спросила:

– Простите, а где девушка с ногой? Она была у вас или нет?

– Знаете, а ведь у меня все девушки были с ногами! Абсолютно все! – откровенно радуясь за себя, ответил басовитый невидимка. – Так уж вышло, что безногими я как-то никогда особенно не интересовался!

– Завидую! – сказала я, закрывая дверь.

Цепко оглядываясь по сторонам, я пробежалась по пустому коридору в регистратуру.

– Здравствуйте еще раз, вы мою подругу не видели? – быстро спросила я тетку, которая снова стала хмурой, как осенний день.

Благотворное действие сторублевки закончилось.

– Может, она к врачу пошла? Или на процедуры? – нервничая, я подсказывала сердитой тетке ответы. – Молодая девушка в бобровой шубке, с распушенными волосами?

– Хорошая девка, – подтолкнув меня в спину, одобрительно сказала старая бабка с рукой на перевязи из лохматого шерстяного платка. – Она на рентген меня без очереди пропустила, а сама с парнем ушла.

– С каким парнем?!

– Хороший парень, – убежденно сказала бабка. – Белый, чистый, бритый и перегаром не воняет.

Следующие полчаса я бегала по травмпункту и окрестностям, разыскивая хромоногую идиотку Катюку, которая ушла куда-то с чистым, бритым и трезвым парнем индоевропейского происхождения. Травмпункт располагался вблизи оживленной городской улицы, народу по ней шло немало, парни встречались во множестве, и под определение, данное бабкой, попадал каждый второй. То есть белыми и чистыми были практически все, бритыми многие, а дыхнуть для проверки трезвости я никого не просила – постеснялась.

Мороз обжигал щеки, однако я так забегалась, что вся взмокла и распахнула пальто. И Ирку тоже в жар бросило, когда она услышала об исчезновении ее подопечной.

– Как пропала? – ахнула она, когда я позвонила и сообщила пугающую новость. – Куда пропала?

– Ирка, если бы я знала, куда она пропала, я бы там ее и искала! – сердито рыкнула я. – Не тупи и не рассусоливай, звони ей, живо! Мобильник у нее с собой?

– Мобильник? Мобильник у нее: со мной! – убитым голосом ответила подружка.

Тут только я вспомнила, что Катюкин папочка-тиран просил Ирку не подпускать его доченьку к телефону. К домашнему аппарату Ирка всякий раз сама подходила, а мобильник, значит, у Катерины просто конфисковала.

– И что же нам теперь делать? – растерялась я.

– А я почему знаю? – огрызнулась расстроенная Ирка. – Возвращайся, может, она тоже сама явится. Большая девочка, адрес знает, и деньги на такси у нее есть.

Однако большая девочка не явилась ни через час, ни через два, ни в Пионерский микрорайон к тете Ире, ни в отчий дом в центре города. Мы много раз звонили и на домашний телефон Катерины – там никто не брал трубку, и на сотовый Катюкиному деспотическому папочке, но абонент был хронически недоступен.

– Что же это получается, тетя Ира? Потеряли вы чужого ребенка! – с укоризной заключил Колян.

Наш собственный ребенок мирно спал после обеда, а трое взрослых сидели, пригорюнившись, в гостиной и пили коньяк, чтобы удержать в узде нервы.

Ни удержать нервы, ни удержаться на месте самим не удалось. Распереживавшейся Ирке не сиделось, она бегала по всему дому и выглядывала в окна, словно у нее не родственница потерялась, а домашняя кошка. Только что «Кис-кис» не кричала! Я ходила за подружкой с полной рюмкой успокоительного коньяку, Колян следовал за нами обеими с початой бутылкой, а освеженный послеобеденным сном Маша, радуясь непонятной суматохе, путался у взрослых под ногами.

– Куда же она подевалась? – с тоской в голосе в десятый раз спросила Ирка, по пояс высунувшись в распахнутое окно Катькиной комнаты.

– Осторожно, вывалишься! – я испугалась и потянула подругу за пояс халата.

– Ничего, там должно быть мягко, – безразлично ответила Ирка, разгибая спину. – Снег пошел.

Действительно, в свете мощного электрического фонаря, подвешенного над крыльцом, замедленно кружились редкие крупные снежинки. Они были похожи на бабочек белой моли, очень голодных и ищущих корма.

– Не там ищут! – пробормотала я.

– А где надо? – Ирка проворно развернулась ко мне.

Я сообразила, что мысли подруги всецело заняты поисками пропавшей Катьки, решила, что ей не помешает немного отвлечься, и с готовностью объяснила:

– Снежинки похожи на бабочек моли, которые прилетели в поисках пищи к нам, хотя кормушку для них приготовили соседи!

С этими словами я махнула рукой в сторону близкого забора, разделяющего два домовладения. Там на веревке, протянутой между двумя яблонями, тяжело, со скрипом, как жестяной флюгер, покачивалось на ветру раздвоенное кумачовое полотнище.

– Это красное знамя, что ли? – прищурилась близорукая Ирка. – С чего это Александр Васильич флаг вывесил, разве нынче государственный праздник?

– Какого государства? СССР? – заинтересовалась я. – Вроде в Стране Советов в феврале месяце был только один народный праздник — День защитника Отечества, а он прошел на минувшей неделе. Или этот флаг с тех самым пор висит?

– Нет, вчера его не было, – уверенно сказала Ирка. – Вчера утром у Васильича постирушка была, он все веревки постельным бельем завесил. К вечеру простыни и пододеяльники прихватило морозом, и старик никак не мог сам их снять. У деда артрит, пальцы едва гнутся, где ему с прищепками сражаться. Громыхал замерзшими полотнищами, как досками! Я не выдержала и пошла ему помогать. Точно помню: мы все сняли, ни одной тряпки не оставили. Видно, этот алый стяг Васильич уже сегодня выбросил.

– Да никакой это не советский флаг, слепухи! – замеялся за нашими спинами зоркий Колян. – Это, дорогие мои, шикарные красные шорты для серфинга!

Мы с подругой переглянулись и не выдержали, расхохотались, вообразив себе тонконового и пузатого пенсионера Александра Васильича в красных шортах серфингиста. Потом Ирка снова нахмурилась, пробормотала:

– Небось, забыл дед про свою спортивную форму! – и пошла в кухню, к телефону.

Мы с Коляном остались у окна и через минуту увидели Иркиного соседа Александра Васильевича. Старый склеротик вышел из дома во двор, проковылял к веревке между яблонями и с трудом отцепил с нее примерзший серфингистский «флаг». Штаны громко хрустели, упорно не гнулись и в целом выглядели так, словно их выпилили лобзиком из листа крашеной фанеры.

– Серфингистские штаны во все стороны равны! – продекламировал Колян.

Дед Васильич поворочал гремящие фанерные штаны в руках, приложил их к себе, недоуменно пожал плечами и ушел в дом, сунув примороженную одежду под мышку, как плоский пакет.

Ирка в кухне сердито гремела посудой. Колян и Масяня этими звуками живо заинтересовались и побежали на шум в надежде на внеплановый перекус. Ирка дала им по куску сыра и выпроводила с кухни, после чего обессиленно рухнула на табурет, подперла щеку кулаком и пригорюнилась. Я посмотрела на нее неодобрительно. Тоскливое ничегонеделание мне претит, я жаждала действий, только не знала, каких именно. Мне не хватало информации.

– Может, этот хороший парень, с которым ушла Катерина, какой-нибудь ее приятель? – спросила я. – Ты знаешь Катькиных друзей?

– Друзей не знаю, только с одной подружкой шапочно знакома, – ответила Ирка. – Зовут ее Дина, фамилия мне неизвестна. Хорошенькая синеглазая дурочка, Катькина однокурсница.

– А где Катерина учится? – полюбопытствовала я.

– В университете, – безразлично отозвалась подруга. – Она будущий химик-технолог.

– Химик? – я очень удивилась.

Мне казалось, что нездоровое увлечение экстрасенсорикой более пристало легкомысленной фантазерке с гуманитарным образованием. А химия – серьезная наука, точная. Станный выбор для девицы с завихрениями!

– И как она учится? – спросила я. – Плохо, наверное?

– Да нет, хорошо. Я видела ее зачетку, там за пять семестров ни одной тройки, – ответила Ирка, откровенно не понимая причины моего внезапного интереса к Катькиной успеваемости. – А почему ты спрашиваешь?

– Да просто так, из любопытства, – соврала я.

На самом деле в голове у меня уже вываривалась – медленно, как холодец из ушей и хвостов, – одна весьма любопытная мысль, я просто не хотела выдавать ее Ирке в полусыром виде.

А у подруги, оказывается, возникла своя версия событий.

– Ты знаешь, чего я боюсь? Что девчонку украли! – призналась она. – Катька единственная дочка богатенького папочки, за нее можно кучу денег заломить!

– А кто у Катьки папочка? – заинтересовалась я.

Прежде я не была знакома с этими родственниками Моржика – Андреем Петровичем Курихиным и его взрослой дочерью Катериной, да и не знала о них почти ничего. Познакомиться с Катькой толком за полдня я не успела. Мы и встретились-то случайно, потому что у Ирки вышла накладочка в расписании приема гостей. Наше семейство подруга, которой скучно было в отсутствие мужа, пригласила к себе на уик-энд, и мы приехали утром, а Катерину неожиданно привезли к тете вчера вечером. Девчонка общаться с нами не рвалась, то лежала с книжкой на диване в предоставленной ей комнате, то слонялась по коридорам. С закрытыми глазами, в балахоне, блеклая, как старое фамильное привидение.

– Андрей Петрович Курихин – владелец крупного вино-водочного производства, – ответила Ирка. – Вернее, он совладелец предприятия, там два хозяина, но оба очень богатые дяденьки! У Курихиных даже своя яхта есть.

– Ух ты! – восхитилась я. – Значит, киднеппинг имеет смысл. Однако бабка из травмпункта сказала, что Катька сама, по доброй воле ушла куда-то с «хорошим парнем».

– Ты думаешь, трудно увести куда-то эту дуру? – Ирка фыркнула, как дельфин, и с пренебрежением махнула рукой. – Да «хорошему парню» достаточно было подойти к Катьке, сделать пару пассов, помассировать чакру и со значением прошептать: «Я вижу, вижу! Вас зовут, зовут: ага! Катерина!» И все, дело в шляпе! Можно звать доверчивую идиотку на семинар «Трудные случаи расстройства кожного зрения»! Пойдет как миленькая!

– Ходить ей было трудно, – припомнила я.

– Тем сомнительнее твоя версия о том, что Катерина встретила приятеля и они пошли прогуляться, – рассудила Ирка. – Подумай сама, какие могут быть прогулки со сломанной ногой?

– Точно! – я гулко хлопнула ладонью по столу. – Ирка, ты совершенно права! Эта неувязка все объясняет! Кажется, я поняла!

– Что ты поняла? – подруга нахмурилась, предвидя, что от этого моего внезапного понижения ей лучше не станет.

– Я поняла, что Катерина вовсе не дура! – заявила я. – Дуры мы с тобой!

– Почему это она не дура? – спросила Ирка, безропотно согласившись с нелестной оценкой наших с ней умственных способностей.

– Потому что отлично все устроила, – сказала я, протягивая руку к телефону. Сняла трубку, секунду помедлила и передала ее Ирке:

– Давай-ка лучше ты!

– Что – я?! – подруга ничего не понимала и оттого сердилась.

– Позвони своему соседу, деду Васильичу, и узнай, с чего ему вздумалось красный флаг вывешивать.

– Флаг-то тут при чем?! – Ирка возмущенно засопела, но трубку послушно приняла, набрала телефонный номер и через несколько секунд принужденно улыбнулась, приветствуя собеседника: – Еще раз здравствуйте, Александр Васильич!

Я протянула руку у нее над плечом и придавила на телефонном аппарате кнопку громкой связи. Теперь мне тоже был слышен надтреснутый старческий голос:

– Это кто?

– Это Ирочка, ваша соседка! Звоню спросить, сняли ли вы белье с веревки.

– Отменные портки! – обрадовался дедуля. – Красные, пролетарские! Коротковаты мне только, промахнулась ты чуток с размером, но все равно, спасибо тебе, деточка. Я эти порты летом надевать стану, не на люди, конечно, а так, в садочек.

Ирка отклеила телефонную трубку от уха и посмотрела на нее с недоумением. Я сунулась к микрофону и басовито, поддельваясь под подругу, сказала:

– Носите на здоровье! – а потом мягко отняла у Ирки трубку и положила ее на рычаг.

– Кажется, Васильич не признал порточки. Он думает, что это я ему презентовала красные пролетарские штаны, – подруга почесала макушку. – И ты поддерживаешь старика в этом заблуждении! А зачем?

– Он же расстроится, если узнает, что у него во дворе чужой человек хозяйничал, правда?

Подруга кивнула, продолжая глядеть непонимающе.

– Вот и незачем волновать старика, – заключила я.

– Постой, ты хочешь сказать, что к появлению на веревке красных штанов Васильич не причастен? А причастен кто-то другой. По-твоему, между появлением красных штанов и исчезновением Катьки есть какая-то связь? – сообразила Ирка.

Теперь уже я кивнула:

– Именно связь! Похоже, красная тряпка была условным сигналом для Катерины. Не зря ведь ее вывесили именно под ее окном?

– Да кто вывесил-то? Васильич один живет, и приходящей прислуги у него никакой нет, кто же мог похозяйничать у соседа во дворе?

– Катькин Ромео, я думаю!

– Кто-о?

– Тайный возлюбленный, кто же еще!

– У этой серой мышки есть тайный возлюбленный?! – теперешнее Иркино удивление не шло ни в какое сравнение с предыдущим. – Не может быть! Кто такой?

– Хороший парень, разумеется! Белый, чистый, бритый и трезвый!

Ирка некоторое время смотрела на меня с таким же выражением, с каким должен был созерцать свежие доски нового забора легендарный баран, а потом встала с табурета, выглянула из кухни в коридор и громко позвала:

– Колян! Коля большой!

На зов примчались сразу два Коляна, и большой, и маленький.

– Ты куда недопитую бутылку подевал? – строго спросила Ирка моего мужа. – Мне срочно нужно снять стресс.

– Все тот же стресс или уже новый какой? – поинтересовался Колян, быстро сбежав в гостиную и вернувшись с коньяком. – Неужели я что-то пропустил?

– Да, пропустили мы немало, – подтвердила я, без дополнительной просьбы выставляя на стол рюмки. – Ирусик, у меня есть еще один вопрос. Скажи, пожалуйста, за что папа Курихин посадил свою дочурку к тебе под арест?

– Я же говорила – за непослушание! – буркнула подруга. – В подробности я, честно говоря, не вникала. Кажется, Катерина связалась с неподходящей компанией, поэтому Андрей Петрович решил ее на некоторое время изолировать.

– Вот! – я воздела указательный палец. В другой руке у меня сама собой оказалась полная рюмка, и ее я тоже подняла, для симметрии. – Выпьем за здоровье хитроумной Катерины Андреевны! Всех нас обвела вокруг пальца!

– Объясни? – попросил Колян, послушно выпив за здоровье хитроумной Катерины.

– Объясняю, – сказала я и хотела заесть коньяк шоколадной конфеткой, но набежавший из коридора Масяня выхватил ее у меня из рук и вновь умчался прочь. – Шустрая молодежь растет, на ходу подметки режут! Так вот, насчет Катерины. Я так понимаю, ее увлечение практической экстрасенсорикой было показным, оно призвано было замаскировать под странности некоторые вполне разумные поступки.

– Катька делала что-то разумное? – удивилась Ирка.

– Конечно! Думаешь, зачем она поутру рассыпала по окрестностям солнечные зайчики?

– Поскольку мысль о том, что Катя поджигала отраженным солнечным лучом вражеские триремы, мы уже некоторое время назад отвергли, остается предположить, что она посылала кому-то световые сигналы, – сообразительный Колян дал развернутый ответ в добросовестной академической манере.

– Правильно! – я кивнула. – А в ответ ей посигналили красной тряпкой, вывешенной в зоне прямой видимости, а именно – на участке деда Васильича. Таким образом, Катерина убедилась, что человек, которого она ждала, находится поблизости, и предприняла меры к тому, чтобы вырваться из дома.

– Выходит, она нарочно погубила мой фирменный холодец! Перевернула кастрюлю и соврала про сломанную ногу только для того, чтобы мы ее повезли в город, к врачу! – догадалась Ирка. – Вот ведь дрянная девчонка!

– Может, и дрянная, но не глупая, – возразила я. – По дороге в травмпункт она все время глазела в окошко. Видимо, высматривала транспорт сопровождения! А я-то подумала, что страдальца мужественно пытается отвлечься картинками забортной жизни. На рентген она не пошла, меня отправила искать в ларьках экзотический напиток, а сама тем временем воссоединилась со своим «хорошим парнем» и ушла, только их и видели!

– Хорошо придумано, – оценил Колян.

– Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего! – проворчала Ирка, заедая грустную сентенцию очередной конфеткой. – Давайте лучше думать, что нам-то теперь делать? Я ведь несу определенную ответственность за эту ловкачку. Надо, наверное, принять какие-то меры к ее возвращению, как вы считаете?

– Мы считаем так: «Раз, два, три, четыре, пять – вышла Катька погулять!» – сострил Колян.

– Пиф-паф, ой-ой-ой! Как вернуть ее домой? – в рифму подхватила я.

– Я думаю, нужно обратиться за помощью к специалистам-розыскникам, – прозаически сказал Колян. – Давайте позвоним Сереге Лазарчуку.

– Нет! – в один голос вскричали мы с Иркой.

– Только не Лазарчуку! – поморщившись, сказала подруга. – Он опять будет костерить нас за то, что мы вляпались в историю.

– Проще верблюду пройти через игольное ушко, чем доказать капитану, что мы ни в чем не виноваты! – поддакнула я, мимоходом опять вспомнив корабли пустыни. – Давайте лучше еще раз попробуем позвонить Катькиному папочке.

Ирка тут же задействовала свой мобильник, но Андрей Петрович Курихин по-прежнему был вне зоны действия сети.

– Небось в винных погребах своих сидит, король алкогольной продукции! – сердито пробурчала Ирка. Ассоциативно покосилась на полупустую бутылку и скомандовала:

– Колян, наливай!

Колян послушно поднял бутылку, и в этот момент раздался звонок. Кто-то нажал на кнопку электрического звонка у калитки.

– Катька! – гаркнула Ирка.

Она выскочила из-за стола, опрокинув табуретку, и унеслась в прихожую в вихре конфетных оберток. Подруга с ходу вылетела на крыльцо, причем так спешила, что даже не закрыла входную дверь. По ногам сразу потянуло холодом. Торопясь ликвидировать сквозняк, я пошла закрывать дверь, но услышала голоса во дворе и передумала оставаться в доме, вылезла на крыльцо.

Калитку Ирка тоже бросила открытой, так что мне видна была ее могучая фигура в пестром байковом халате. Широкой спиной и прилегающими к ней не менее широкими территориями подруга закрывала от меня свою собеседницу. То, что это женщина, было понятно по голосу: высокому и тонкому, совсем не похожему на Катькино второе сопрано.

– Он жался к вашему забору, вот я и подумала – ваш это зверек! – пищала незнакомка. – Но, если не ваш, не берите, пусть еще погуляет, побегает, может, найдет свой дом.

– Как это – побегает? – сердито забасила Ирка. – Мороз минус восемь, скоро ночь, на улицу собак выпустят, а он тут бегать будет? Нет уж! Наш он или не наш, мы его приютим. А вам спасибо за внимание.

Очевидно, на этом тема ночных прогулок на свежем воздухе была закрыта, потому что Ирка затворила калитку, повернулась и пошла в дом, мимоходом бросив мне:

– Запри дверь, пожалуйста, у меня руки заняты!

Она что-то прятала под фартуком, надетым поверх халата.

– Кто пришел? – выходя нам навстречу, поинтересовался Колян.

– Кто там? – поддержал вопрос Масыня.

– А вот кто! – торжественно сказала Ирка и вытащила из-под фартука меховой комок размером с мужской носок из козьего пуха.

– Зайчик! – в полном восторге завопил Масыня. – Тетя Ирка поймала зайчика!

– Зайчик сам к нам пришел, – поправила Ирка, погладив пушистого зверька. – Он сидел под забором, а какая-то незнакомая тетя его увидела, решила, что зайчик не может попасть к себе домой, и позвонила в нашу дверь.

– А вы уверены, что это зайчик? – недоверчиво спросил Колян. – Насколько мне известно, зайчики бывают беленькие и серенькие, а этот какой-то розовый!

– Строго говоря, он не розовый, а полосатый, – поправила его Ирка, поднимая зайчика повыше, чтобы до него не мог дотянуться общительный Масыня.

Зверек действительно был весьма необычного окраса. Голова, живот, лапы и хвост у него были белые, а поперек спинки тянулись розовые полоски.

– Тигровый заяц! Редкое явление природы! – восхитился Колян.

– Может, это помесь зайца с бурундуком? Заяцендук! Или бурундаец! – ловко придумала изобретательная Ирка. – Бурундуки – они как раз полосатые.

– Тигры тоже полосатые! – напомнил Колян.

Чувствовалось, что он готов отстаивать свою версию.

– Да это вообще никакой не заяц, а кролик, – сказала я, забирая у Ирки полосатого грызуна. – Декоративный кролик, таких в зоомагазине продают, я видела.

– Вот таких видела? В розовую полоску? – не поверила подруга.

– По виду именно таких: с короткими округлыми ушами и тупой мордочкой, – ответила я. – Не полосатых, а черных, серых, белых, коричневых и пятнистых. Не вижу, почему бы не быть и полосато-розовым кроликам? На то они и декоративные.

– Явно какая-то помесь, – сказала упрямая Ирка. – В природе живых существ такого ярко-розового цвета не существует.

– А фламинго? – тут же заспорил с ней Колян. И запел:

– Розовый крольчонок! Дитя фламинго!

– Фу! – сказала я. – Об этом не при ребенке, ладно?

– Коля хочет потрогать зайку! – немедленно заявил о себе ребенок.

Я опустила кролика на пол. Он прижался к паласу и замер, подрагивая белыми, на розовой подкладке, ушами.

– Что зайка будет кушать? – спросил Мясня, присев на корточки и склонив голову, чтобы заглянуть кролику в морду.

– Молодец, заботливый! – похвалила я сына. – Зайка, наверное, согласится покушать зеленый салат, он в холодильнике, в ящике для овощей.

Ребенок сгреб в охапку индифферентного кролика и поволок его в кухню, напевая на ходу:

– Трусишка зайка розовый под елочкой скакал.

Опасаясь, что Мяся в приступе гостеприимства разгромит холодильник, Ирка опередила ребенка на пути в пищеблок и выдала им с кроликом по мытой морковке. Мясня с новым другом удалился в свою комнату. Ирка проводила их задумчивым взглядом и вполголоса спросила:

– Не знаешь, кролика можно приучить ходить в туалет?

– Сомневаюсь, – сказала я.

Тогда подруга сбегала в подвал и притащила оттуда огромную коробку от телевизора. Из нее получился превосходный кроличий домик, такой просторный, что зверек даже смог принимать в своих апартаментах гостей. Мы быстро убедились в этом, потому что Мясня сразу же залез в коробку и закрыл над своей головой картонные лепестки крышки. Коробка немного потряслась, пока новоселы устраивались, а потом успокоилась. Вскоре из детско-кроличьей норы послышался бодрый хруст. Очевидно, жильцы с аппетитом трапезничали сырой морковью.

Ирка, я и Колян вернулись в гостиную – допивать коньяк и терзаться сомнениями. Неожиданное обретение кролика не компенсировало нам пропажу Катерины.

До самого вечера мы мучились неизвестностью. Приговорили бутылку коньяка и все время препирались, не в силах решить, должны ли сообщить о Каткином исчезновении в милицию. Хотя мы склонялись к мнению, что девица сбежала с возлюбленным, не исключалась и вероятность похищения.

– Возможен также несчастный случай! – заявила Ирка, укоризненно посмотрев на меня. – Пока ты бегала за соком, Катерина оставалась без присмотра, и с ней могла произойти какая-нибудь беда. Что, если она попала под машину?

– Под рентгеновский аппарат? – съязвила я в ответ. – Уверю тебя, в коридоре травм-пункта имеется только пешеходное движение, да и то весьма неспешное!

– Катка могла выйти из здания, – упорствовала подруга. – Вспомни: ей очень хотелось пить, а ты где-то запропастилась. Она похромала в магазин сама, стала переходить дорогу, а тут машина! Р-раз!

– Никаких дорожно-транспортных происшествий там не было!

– Но был гололед! – напомнила Ирка. – Охромевшая Катерина легко могла поскользнуться и упасть!

– Упал, очнулся – гипс! – Колян кстати процитировал «Бриллиантовую руку».

– Если сильно ударила головой, могла не сразу очнуться, – нахмурилась Ирка. – Надо позвонить в больницы и узнать, нет ли где хромой девушки с сотрясением мозга.

– Лучше в милицию, – настаивала я. – Не Лазарчуку, а просто по ноль-два.

Мне было известно, что заявления о пропаже граждан в милиции принимают только через трое суток, но был шанс ускорить этот процесс, упомянув имя Катькиного папочки. Однако мы не знали, скажет ли нам за это «спасибо» сам винно-водочный король. Может, он предпочел бы не афишировать эту историю?

Ирка еще раз позвонила господину Курихину на мобильник, потом на домашний аппарат, потом снова на мобильник – все с тем же нулевым результатом. Мы зашли в тупик и пребывали в нем примерно до семи часов вечера.

5

– Алиска, кошмар! – вымолвил Василий Ложкин, едва ввалившись в машину.

Он стучал зубами и страстно обнимал себя руками за бока. К вечеру столбик термометра опустился до минус восьми, что в южном регионе считалось сильным морозом.

– Печка включена, сейчас согреешься, – равнодушно отозвалась Алиса, не отрываясь от увлекательного журнала с песенным названием «Я, ты, он, она». – Если очень замерз, возьми плед на заднем сиденье.

– Я замерз, но дело не в этом, – ответил Василий, прижимаясь диафрагмой к решетке тепловентилятора. – Алиса, произошла страшная ошибка! Оказывается, семейство, которому мы подсутили Заю, не живет в этот доме, а только гостит! Я встретил тетку, которая выгуливала на улице пекинеса, разговорился с ней, и она, между прочим, сказала, что у Максимовых нет детей, они живут вдвоем.

– Кто такие Максимовы? – нахмурилась Алиса.

– Максимовы – хозяйева этого особняка! – Василий махнул рукой вдоль по улице, где метрах в двадцати впереди высился большой красивый дом из белого кирпича.

– Кошмар! – ахнула она.

Алисе не нужно было объяснять, какому риску подвергает отлаженный план неожиданно вскрывшееся обстоятельство.

Кролика подбросили в этот дом, но если семья с ребенком живет в другом месте, значит, Зая отсюда уедет. Куда – неизвестно, когда – непонятно. Очень сомнительно, что удастся заработать на кроличьем «выкупе», тут как бы основное орудие производства – самого Заю – не потерять!

– Может, дадим делу задний ход и заберем Заю прямо сейчас? – подумал вслух Василий.

– У нас с собой фиалок нет, – напомнила Алиса.

– За фиалками можно домой сгонять.

– Сгонять-то можно, но вряд ли Зая этой ночью выйдет на прогулку, а в доме он запаха не учует, – рассудила Алиса. – Посмотри на окна, там же тройной стеклопакет!

– И про полнолуние они ничего не знают, – удрученно пробормотал Ложкин.

Про полнолуние знали только бывшие хозяйева Заи. Всякий раз, великодушно принимая отступное за зверька, коварный Василий рассказывал доверчивым кроликовладельцам одну и ту же байку. Мол, декоративные кролики редкой поперечно-полосатой породы – очень своеобразные животные. Раз в месяц, непременно в полнолуние, кролик обязательно должен совершить прогулку на свежем воздухе, иначе у него шерсть редеть будет и полосы поблекнут.

Разумеется, заботливые хозяева не были заинтересованы в облысении и обесцвечивании шерстки питомца и в ближайшее полнолуние исправно выпускали Заю в сад. Умников, которые выгуливали бы кроткого кролика на поводке, до сих пор не нашлось, Зая всякий раз совершал подлунный моцион без привязи, так что у Василия не было никаких проблем с повторным обретением ценного пушного зверя. Щедро надушившись фиалковой эссенцией, в первое же полнолуние он приходил к дежурному дому Заи, и вскоре опьяненный любимым ароматом кролик сам находил дорогу на волю и бросался в объятия Василия.

– Что делать-то будем? – спросил он супругу.

Как повелось у Ложкиных, в трудной ситуации функции мозгового центра принимала на себя Алиса.

– Ждать, – немного подумав, коротко ответила она. – Сейчас почти половина восьмого. Маленькие дети обычно ложатся спать рано, еще до десяти часов. Там же маленький мальчик, правда?

– Года три-четыре, – подтвердил Василий.

Он внимательно слушал, но смысла рассуждений супруги пока не уловил.

– Если до двадцати двух часов мама, папа и ребенок не уйдут из гостей, значит, они останутся в доме до завтра. Тогда до утра можно ничего не предпринимать, будет время смотаться домой за фиалками, но придется и завтра сидеть тут в засаде, чтобы не пропустить момент отъезда гостей. Другого способа узнать новый адрес Заи я не вижу, – сказала Алиса. – А вот если гости завершат свой визит уже сегодня, мы сразу же сядем им на хвост.

– Короче, ждем и наблюдаем, – попыток Василий и отодвинулся от печки, чтобы в тепле не разомлеть и ненароком не уснуть.

Развития событий пришлось ждать недолго, буквально через несколько минут мимо старенькой «Нивы» Ложкиных, припаркованной на обочине у недостроенного дома, прокатилась машина такси. Она остановилась у ворот дома, за которым наблюдали Алиса и Василий, и послышалась.

– Похоже, еще гости прибыли, – предположила Алиса.

– Прибывающие нас не интересуют, только убывающие, – сказал Василий. – Смотри в оба, не прозевать бы отъезд семейства с Заей. Вдруг это они вызвали тачку?

Еще через полминуты такси, развернувшись на широкой улице, вновь миновало притаившуюся «Ниву» с погашенными огнями и укатило в обратном направлении. Ложкины разглядели, что в машине, кроме водителя, никого не было, и не стали преследовать такси.

Вновь потянулось томительное ожидание.

– Засада на кролика! – сострил Василий.

Алиса не засмеялась. Она определенно чувствовала, что на сей раз охота на кролика будет проблематичной.

Предчувствия ее не обманули.

Видно, ночь была какая-то особенная, способствующая обострению экстрасенсорных способностей.

6

В начале восьмого, уже в полной темноте, к дому Максимовых подкатило такси.

Машину заметил Мясня. Ребенок обожает широкие подоконники и никогда не упускает возможности на них посидеть, а в идеале – даже полежать. Подоконники в Иркином доме просторные, как деревенские полаты, да еще с подогревом от расположенных под ними батарей центрального отопления. Оставив некомпанейского кролика спать в коробке, Мясня с большим комфортом устроился в персональном укрытии за шторами. Он взял с собой печенье и книжку с картинками, был очень доволен жизнью и в нашей компании не нуждался. Таким

образом, нам с Коляном тоже представилась редкая возможность скоротать вечерок в тишине и спокойствии.

Если бы не тревожные думы о судьбе беглой Катерины, я чувствовала бы себя вполне счастливой. Почитала бы книжку. А так я лежала на диване и прикидывала, каковы наши шансы найти беглянку. Можно отправиться в университет, узнать на факультете адрес и телефон Катькиной подружки с редким именем Дина, допросить ее в надежде, что она знает Катькиного Ромео, отыскать этого пылкого кавалера. Эх, в университет раньше понедельника соваться бессмысленно, в выходные в деканате никого не будет!

– Может, телевизор включим? – спросил Колян, не выдержав гнетущей тишины, нарушаемой только тиканьем часов, шуршанием книжных страниц за занавесками и Иркиными скорбными вздохами. – Или хотя бы музыку послушаем?

– О-о-о-о! – точно в ответ на папину просьбу довольно мелодично запел на подоконнике Масяня. – Зеленоглазое такси! О-о-о-о!

В первый момент я подумала, что малыш перепевает один из бессмертных хитов «Радиоретро», но потом услышала хлопок автомобильной дверцы и поняла сообщение наблюдателя буквально. Такси приехало! Уж не Катька ли вернулась?!

Скатившись с дивана, я метнулась к окну. Спустя секунду рядом со мной оказалась Ирка. Мы дружно тюкнулись лбами в холодное стекло, всматриваясь в темноту за окном. За нашими спинами косым парусом покачивалась оборванная занавеска.

Машина такси развернулась на пустой просторной улице, на миг высветив фарами тонкую фигурку простоволосой девушки в золотящихся мехах.

– Точно, на сей раз это не зайцы-кролики, это она, Катька! – нехорошо обрадовалась Ирка. – Ну, я ей сейчас покажу! Джульетта недоделанная! Будут ей бурные шекспировские страсти! Колян, у тебя ремень есть? Снимай!

– Бить детей непедагогично! – возразил мой муж. – Не надо сразу переходить к телесным наказаниям, попробуй сначала поговорить с Катериной по душам и объяснить ей, что она поступила дурно.

– Ап! – возбужденный общей суматохой Масяня прямо сквозь занавеску сиганул на папу, как на дерево.

Карниз хрустнул и перекосялся. Замотанный в декоративную сетку Колян с сидящим на его плечах Масяней стал похож на плененную Муху-цокотуху.

– Я тебе сейчас ремня дам! – грозно загудела гигантская мушка, тщетно цапая закукленной лапой пояс джинсов.

– Бить детей непедагогично! – ехидно напомнила Ирка и заторопилась в прихожую.

За ремень подруга так и не взялась, но и разговора по душам у нас с Катериной не получилось. Ирка открыла дверь, отступила с порога и встала посреди прихожей, уперев руки в бока, но Катька эту демонстрацию недовольства проигнорировала. Она вошла в дом, отогнала насупленную Ирку со своего пути просторным взмахом руки, твердо сказала:

– Не сейчас! – И решительно протопала напрямик в свою комнату, даже не сняв шубу и сапоги.

Мы с Иркой проводили ее удивленными и встревоженными взглядами. Из гостиной выступил Колян, за которым на манер мантии волочилась тюлевая занавеска.

– Катюша, добрый вечер! – как ни в чем не бывало сказал он великосветским тоном, который удивительно хорошо сочетался с кружевной монаршей мантией.

– После! – невежливо обронила Катька, сворачивая в свою комнату.

Хлопнула дверь, со скрежетом провернулся ключ в замке. Ирка почесала в затылке.

– Что она имела в виду? – обернулся к нам озадаченный Колян. – Что это значит: «Добрый вечер после»? Что вечер у нее был добрый, но после него она чувствует себя неважно? Или что по-настоящему добрый вечер ожидается впоследствии?

– Если не знаешь, что сказать, лучше помолчи, не морочь нам головы! – попросила я. Муж, однако, не стал молчать и тут же высказался еще, явно желая утешить расстроенную Ирку:

– По крайней мере, на этот раз Катерина шла по коридору с открытыми глазами!

– Видимо, с семинаром по кожному зрению что-то не сложилось, – пробормотала я.

– Она шла с открытыми глазами – это раз. И второе: она ничуть не прихрамывает! Печатает шаг, как кремлевский гвардеец! – обиженно заметила Ирка, загибая пальцы на руках. Не задействованные при счете пальцы она тоже завернула и получившимся кулаком погрозила закрытой двери Катькиной комнаты. – Похоже, мы были правы, негодяйка нас жестоко разыграла!

– Ничего, лучше дружеский розыгрыш, чем настоящее несчастье! – примирительно сказала я. – Радуйся, что твоя подопечная не попала под машину, не поскользнулась на льду и не стала жертвой похищения с целью получения выкупа.

– Да, в таком контексте ситуация выглядит поприятнее! – подумав немного, согласилась подруга.

Она заметно повеселела и минут через десять попыталась подступиться к Катерине, засевшей в своей комнате, с ласковыми речами, но Катька в разговоры через дверь не вступала. Поерзав по щели у дверного косяка максимально развернутыми ушами, мы с Ирккой уловили звуки рыданий, отчасти приглушенных подушкой. Ирка опять помрачнела и некоторое время настойчиво скреблась в дверь, пока не поняла, что это бесполезно.

– Пусть девочка поплачет и успокоится, тогда и выяснишь, что с ней случилось, – посоветовала я.

– Я бы предпочла обратную последовательность, – проворчала Ирка.

Из этого можно было сделать вывод о том, что любопытство ее томит даже сильнее, чем беспокойство. Однако от Катькиной двери подруга отступилась и, чтобы занять себя чем-нибудь полезным и созидательным, отправилась в кухню готовить ужин. Это ее решение нами было единогласно одобрено, я даже помогла поварихе почистить овощи для рагу, а Колян, надев Моржикову стеклянную маску для подводного плавания, порезал лук.

Часа через полтора мясное рагу заблагоухало на весь дом, приободрившаяся хозяйка и не страдающие от отсутствия аппетита гости сгруппировались в гостиной вокруг накрытого стола, но добровольная затворница Катерина дивными ароматами не пленилась и к ужину не вышла.

Зато к вечерней трапезе успели незваные гости.

Об их прибытии нам также сообщил Масыня. Улучив момент, он стащил из вазочки на кухонном столе пригоршню твердых, как камешки, конфет «Грильяж в шоколаде» и унесся с несправедливой добычей в свое укромное гнездышко на подоконнике. С четверть часа ребенка не было ни видно, ни слышно. Это было странно и внушало некоторые опасения, поэтому я пошла на поиски. Услышала доносящиеся из-за перекошенной занавески азартное чавканье и пугающий хруст, пошла на звук, и тут Масыня перестал глотать конфету и с большим чувством и дикцией, заметно ухудшенной защечной конфетой, напел:

Черный «бумер»,
черный «бумер» под окном катается!

Памятуя о том, что малыш сегодня вечером уже имел успешный опыт работы впередсмотрящим, я торопливо сунулась в окно и увидела, что под ним действительно имеется незнакомый черный автомобиль. Правда, это был не «бумер», то есть не «БМВ», и в данный момент он не катался. Автомобиль неподвижно стоял перед закрытыми воротами, сверкая фарами и сигналами клаксонами.

На призывное «пам-пам!» из кухни прибежала Ирка. Я сняла с подоконника самодеятельного артиста Масю, который от пения перешел к пляскам и в прыжке закрывал нам обзор, рискуя при этом сверзиться на пол. Подруга присмотрелась к лже-«бумеру», улыбнулась и обрадованно сказала:

– Какое счастье! Это же Катькин родитель пожаловал, сам господин Курихин, это его черный джип!

Иркина радость была заразительна. «Самого» господина Курихина мы вышли встречать почти в полном составе, за исключением одной лишь Катерины, продолжающей прятаться за закрытой дверью. Собрались в прихожей, на ковровой дорожке.

– К нам приехал наш любимый Андрей Петрович дорогой! – с цыганской удалью распевал Колян, прихлопывая себя ладонями по коленкам.

Мои родные и любимые сегодня весь день упражнялись в вокале.

– Кто там? Кто там? – нетерпеливо подпрыгивая, возбужденно гомонил Масяня.

Ирка помчалась открывать дорогому гостю дверь и по пути размашисто перекрестилась на репродукцию шишкинской картины с тремя медведями, висящую в проеме между двумя большими шкапами.

– Слава тебе, господи! – воскликнула она. – Дождались! Теперь все образуется! Авось добрый папочка Курихин заберет от нас свою тронутую детку!

Как только Андрей Петрович вошел в дом и открыл рот, стало ясно, что святая медвежья троица приняла Иркину горячую молитву благосклонно.

– Добрый всем вечер, а вот и мы! – радостно возвестил отец блудной дочери. – Мы за Катюшей приехали!

По Иркиному счастливому лицу было видно, что вечер и в самом деле имеет тенденцию к существенному его улучшению. Я с интересом разглядывала толстяка, употребляющего вместо местоимения «я» монаршее «мы», и тут позади господина Курихина кто-то повторил:

– Добрый вечер!

Оказывается, местоимение «мы» объединяло Катькиного папу и еще одного представительного джентльмена. Просто мы не сразу разглядели его за шаровидным телом господина Курихина. Сам Андрей Петрович шутливо отрекомендовал своего спутника так:

– Это Вадим Иванович Тараскин, моя лучшая половинка! Прошу любить и жаловать!

– Добро пожаловать! – послушно откликнулась хозяйка дома.

Колян посмотрел на новых гостей с недоумением, качнулся ко мне поближе и опасливым шепотом спросил:

– «Голубые» они, что ли?

Я задумалась. Обычно люди называют своей половинкой мужа или жену. Супруги у Курихина нет, Ирка говорила, что он вдовец. Однако наличие у Андрея Петровича родной дочери, по идее, свидетельствовало о нормальной сексуальной ориентации. Хотя ориентацию ведь и поменять можно, нынче это даже модно.

Я внимательно рассматривала Катькиного папочку. Он не был похож на «голубого» той ярко выраженной разновидности, которая частенько встречается у нас на телевидении и в артистических кругах. Обычно это томные худощавые юноши с художественным беспорядком на голове и полным ртом чупа-чупсов. Андрей Петрович Курихин больше походил на другой стереотипный образ, с виду он был типичный «новый русский» из анекдота. Костюм на нем был солидный, дорогой, но не самый модный, такие «двойки» в полоску богатые банкиры и важные политики носили в прошлом году. В приталенном полосатом пиджаке толстый Курихин смахивал на арбуз, а помятый зеленый галстук, лежащий на выпуклом животе, напоминал прилипший к арбузу молодой лист хрена. Физиономия у арбузно-хренового тостяка была под стать общей огородной теме – самая простецкая, щекастая и курносая, с россыпью веснушек

и лохматыми белесыми бровками. Такое жизнерадостное глуповатое лицо могло иметь пугало на грядке.

Пугало, однако, было богатенькое. Под распушенным галстуком поблескивала толстая золотая цепь, нагрудный карман пиджака, предназначенный для визиток, оттягивал ультратонкий мобильный телефон. Сережек в ушах у Курихина не было, зато на пухлых пальцах имелось четыре безвкусных и тяжелых золотых кольца. Все с такими массивными камнями – хоть сургуч ими запечатывай! Вот интересно, Катька тонкая, вялая и блеклая, как вареная спаржа, а папочка у нее такой яркий круглый живчик – куда до него зеркальному новогоднему шару с позолотой! А как же законы наследственности? Или Катерина похожа не на папеньку, а на покойную маму?

– Мы с вами где-то встречались? – заволновался Катькин папочка, смущенный моим неотрывным взглядом. – Я Курихин Андрей Петрович, бизнесмен. А вы?

– Это моя лучшая подруга, Лена, – поспешила представить меня Ирка.

– Ну, конечно! – господин Курихин просиял и звонко хлопнул себя по лбу. – Звезда экрана! Я вас видел в «Новостях»! Елена, да?

– Просто Лена, – сказала я, вынужденно пожимая мясистую теплую руку Андрея Петровича.

– Очень приятно, Тараскин, – шагнув ко мне, скороговоркой произнес спутник господина Курихина.

Ладонь у него была холодная, твердая. Она рыбкой выскользнула из моей руки и нырнула в лапу Коляна, а потом перепрыгнула к Ирке.

– Тараскин Вадим Иванович, можно просто Вадим, – гудел наш новый знакомый. – А это что за милый мальчик? Как его зовут?

– Его зовут Николай Николаевич! – высокомерно сообщил «милый мальчик» Масяня и спрятался за папу.

Я подумала, что общительный господин Тараскин ему не понравился. Обычно Мася запросто представляется Колей, а важное «Николай Николаевич» выдает только подозрительным и неприятным людям, от которых хочет держаться подальше, – например, процедурной медсестре в детской поликлинике.

Пока народ упражнялся в ритуальных реверансах и книксенах, я критически оглядела «половинку» Катькиного папочки и в отличие от Масяни не испытала желания убежать и спрятаться. Вадим Иванович Тараскин выглядел rispetабельно: молодежавый мужчина лет сорока с небольшим, высокий, подтянутый, с гладким загорелым лицом. Загар не горный, пятнами, а ровный, бронзовый – либо с далеких островов, либо из солярия, откуда еще в феврале месяце? Отличный костюм без малейшего сходства с овощами и фруктами, безупречная стрижка, из украшений – одно обручальное кольцо. Глаза синие, яркие, с легким хитроватым прищуром, а вот рот немного подкачал: губы слишком тонкие. Впрочем, положение спасает сияющая улыбка в тридцать два превосходных зуба.

Я представила себе, какие счета выставляет улыбчивому Вадиму Ивановичу его дантист, и мои собственные безупречные зубы болезненно заныли.

– Проходите! Прощу сюда, к столу, мы как раз собираемся ужинать! – запела радушная хозяйка Ирка. – Присаживайтесь, устраивайтесь, а я сейчас Катеньку позову... Катя! Катюша!

Из-за Катькиного упрямства прелюдия к ужину несколько затянулась. Пока Ирка на все лады звала под дверью вредную девчонку, мы с Коляном и Масяней в меру сил развлекали новых гостей. Мася с детской непосредственностью рассмотрел шейное украшение господина Курихина и дружелюбно сообщил ему, что у нашей собачки Томки тоже есть такая блестящая толстая цепочка, к ней еще поводок пристегивается. Колян, не менее бестактный, чем его прямой потомок, не найдя лучшей темы для разговора, открытым текстом спросил Вадима Тараскина, в каком это смысле они с Курихиным «половинки»?

– Мы совладельцы одного предприятия! – с готовностью ответил Тараскин.

– И не только! – возвестил Андрей Петрович, с радостью оставив скользкую тему универсальных украшений.

Он значительно воздел вверх указательный палец, розовый, плотный, похожий на детскую соску, и Тараскин в ответ сделал то же самое, только палец оттопырил другой – безымянный. Сверкнуло золото обручального кольца. Курихин понимающе кивнул, тоже воздел безымянный палец, продемонстрировав безвкусный массивный перстень, и «половинки» весело засмеялись. Обмен жестами напоминал манипуляции биржевых брокеров. Я смысла этой пантомимы не уловила, но из вежливости улыбнулась. Бледненько так, чисто формально.

В гостиную вошла Ирка, она и вовсе не улыбалась. Виновато посмотрев на лучезарного Андрея Петровича Курихина, подруга огорченно сказала:

– К сожалению, Катюша никак не хочет выходить. Не знаю, что с ней делать.

– Да не волнуйтесь, Ирочка, все в порядке! – ничуть не опечалился Катькин папа, продолжая с подозрительной нежностью взирать на своего компаньона.

– Точно, «голубые»! – шепнул Колян.

– Как же «все в порядке»! – не сдержавшись, брякнула я. – Девчонка полдня пропадала неизвестно где и неизвестно с кем, вернулась сама не своя, заперлась в комнате и видеть никого не хочет!

Андрей Петрович на мои слова ответил беззаботным смехом, словно я необыкновенно удачно пошутила. А Вадим удивил нас и того больше. Он встал с дивана, застегнул пиджак, заявил:

– Я немедленно поговорю с Катей! – и твердой поступью вышел из гостиной.

– Вот и ладненько, Вадик восстановит мир! – потер ладони довольный господин Курихин.

Мы с Иркочкой озадаченно переглянулись, и тут в коридоре шумно грохнуло: похоже было, что миротворец Тараскин для начала выбил плечом закрытую дверь Катькиной комнаты.

– Моя дверь! – возмутилась рачительная хозяйка Ирка, разворачиваясь на звук и выразительно сжимая кулаки.

– Забудьте про эту дверь! Я вам все компенсирую! – быстро пообещал Андрей Петрович. Он неожиданно прытко вскочил с дивана и схватил разгневанную Ирку за руку, удерживая ее от скорой и неминуемой расправы над вредителем Тараскиным. – Прошу вас, Ирочка, не вмешивайтесь! Не надо!

Из Катькиной комнаты слышались крики. Катерина обзывала достопочтенного господина Тараскина разными нехорошими словами. Где только выучила такие затейливые ругательства? Мне запомнились «провинциальный Борджиа», «полнозубый синантроп» и «предприимчивый микроцефал». Я мельком подумала, что университетское образование – это, что ни говори, вещь! В то же время мне подумалось, что на досуге следует попробовать докопаться до смысла этой велеречивой ругани. Что-то в ней было. Во всяком случае, с тем, что Тараскин «полнозубый», спорить не стоило. В его возрасте у среднестатистического россиянина своих зубов вдвое меньше.

В Катькиной комнате орали, зато в гостиной сделалось тихо. Ирка, Колян и я сама застыли истуканами, решительно не зная, что надо делать и надо ли что-то делать вообще. Масяня не поленился сбегать в коридор и вернулся с докладом:

– Дверь совсем поломалась, и тетя Катя плачет!

Действительно, визгливые крики сменились тоскливым щенячьим подвыванием. У меня были сильные сомнения в том, что тетя Катя оплакивает сломанную дверь, но я промолчала. В напряженной тишине абсолютно некстати умиленно вздохнул Катькин папочка:

– Милые бранятся – только тешатся!

Тут я подумала, что Катькин идиотизм достался ей по наследству, от батюшки.

– Кто милые? – хмурясь, переспросила Ирка.

– Ну, молодые! – солнечно улыбаясь, объяснил Андрей Петрович.

– Кто молодые?

Катькин папочка запнулся, обвел нас удивленным взглядом и недоверчиво спросил:

– А вы разве не знаете?

– Чего мы не знаем?! – потеряв терпение, взревела Ирка.

– Что Катюшка с Вадиком сегодня поженились?

– Х-р-рясси! – Импортный диван, на который с размаху села шестипудовая Ирка, выдал что-то из непереводаемого итальянского фольклора.

– Как поженились? – по инерции спросила еще моя подруга, валясь в подушки.

А Андрей Петрович Курихин, заливаясь счастливым смехом, как связка серебряных ямщицких колокольчиков, уже рассказывал нам, как порадовала его сегодня единственная дочь. Сделала папке роскошный подарок сюрпризом! Без предупреждения вышла замуж за того самого человека, которого родитель давно уже прочил ей в мужья, а Катька, хитрюга такая, делала вид, что жених ей совсем не люб, и нос от него воротила! И Вадим тоже хорош, разыграл компаньона, ни словечка не сказал Андрею Петровичу о том, что сумел поладить с капризной и упрямой Катериной.

Такую новость невозможно было проглотить натошак, и мы, не сговариваясь, налегли на ужин. Даже Маша, обычно возмутительно переборчивый в еде, молча уплетал нелюбимое овощное рагу. Под влиянием вкусной еды настроение присутствующих пошло вверх, как столбик термометра в руке успешного эстрасенса.

– Я, конечно, не слепой! – с аппетитом поедая тушеную свинину и жмурясь от удовольствия, повествовал папа Курихин. – Я видел, что с Катюшей что-то происходит. Это еще летом началось: она похудела, странная какая-то стала, задумчивая, подолгу где-то пропадала, косметики и тряпок накупила, прихорашиваться начала. По всем признакам – девчонка влюбилась, роман закрутила. Но я-то думал, что она в какого-то хлыща-молокососа с пустыми карманами втрескалась! Я спрашиваю: Катька, кто он? Она молчит! Я говорю: познакомь нас! Она ни в какую! И чем дальше, тем хуже дело, уже и по ночам девке дома не сидится! Тут в университете каникулы начались, на занятия ходить не надо, вот я и отослал ее от греха подальше, за город, к тете под крылышко.

Тут Андрей Петрович кивнул на Ирку, у которой от великого интереса к рассказу родственника глаза сделались яркими, как лампочки новогодней гирлянды.

– И что дальше? – спросила благодарная слушательница.

– А дальше вот что. Обедаю я сегодня с одним хорошим человеком в ресторанчике, и тут звонит мне Вадик, – отставив пустую тарелку и потянувшись к полной рюмке, продолжил Курихин.

– Как это он вам позвонил? – встряла я. – Мы тоже сегодня звонили вам с обеда и до ужина включительно, а у вас мобильный телефон выключен был!

– А у меня два мобильника, – кивнул Андрей Петрович, последовательно похлопав себя свободной рукой сначала по нагрудному карману пиджака, а потом по боковому. – Один разрядился, а второй в полном порядке был. Вадик оба номера знает. В общем, звонит он мне и озабоченно так говорит: «ЧП, Андрей Петрович! Приезжай срочно к банку на Ноябрьской, дело важное, отлагательства не терпит, и разговор не телефонный!» Я, конечно, все бросил и полетел. Мы как раз в этом банке на Ноябрьской кредит на новую линию розлива оформляем, понятно, что дело важное, и ясно, что не телефонный разговор.

Андрей Петрович весело оглядел слушателей, поднял рюмку:

– Выпьем за фантазию!

Мы были так заинтригованы, что выпили бы за что угодно, хоть за процветание Атлантиды, вечная ей память, лишь бы Катькин папочка поскорее продолжил свой увлекательный рассказ.

– И вот примчался я к банку. Уже на ступеньки взлетел, озираюсь в поисках Вадика и вдруг вижу: стоит он прямо через улицу, у Ноябрьского загса, улыбается во весь рот и ручкой мне машет. А другой ручкой держит под локоток в перчаточке девицу в белой фате! Ай, молодец! – Андрей Петрович хлопнул в ладоши. – Тут я, конечно, сообразил, что Вадик меня разыграл. Рассмеялся, иду поздравлять жениха и невесту, и тут второй сюрприз, да покруче первого! «Знакомься, Андрей Петрович, с моей молодой женой! – говорит Вадик. – Это Екатерина Андреевна Тараскина, в девичестве Курихина, прошу любить и жаловать!» То есть Катька моя! Тут я, признаться, чуть не упал!

– А сами вы дочку не признали, что ли? – удивилась Ирка.

– Трудно было ее признать! – засмеялся Андрей Петрович. – Представьте: наряд на ней белый-белый, аж глаза слепит, волосы хитрыми кудельками закручены, лицо фатой закрыто. Конечно, когда она занавеску эту подняла, я увидел – Катька это, только сильно раскрашенная. Она ж обычно косметикой не пользуется и волосы носит просто так, гречишным венником. А тут стоит красивая, как фарфоровая кукла, молчит, накладными ресницами хлопает и накрашенными губами улыбается. Я, впрочем, тоже ничего толкового сказать не успел, растерялся очень, а молодые мне ручками сделали – и бегом в машину! Только я их и видел! Одно слово: новобрачные!

– Но уже после бракосочетания молодые успели разругаться, так я понимаю? – спросила я.

– Не зря Масяня днем рассыпал соль, это верная примета, всегда ведет к ссоре! – вспомнила Ирка.

– Не поделили чего-то голубки, повздорили, – шире прежнего улыбнулся счастливый отец новобрачной. – Ничего, сейчас помирятся.

Действительно, в Катькиной комнате уже не орали, мебель и предметы быта не крушили. Это обнадеживало. Мы решили голубкам не мешать, пусть мирятся обстоятельно, скрепляют союз и так далее. Ирка сбегала в винный погреб и принесла еще одну симпатичную пузатую бутылочку. Мы распили ее за здоровье новобрачных, но кричать «Горько!» не спешили, чтобы не сглазить. После рассыпанной соли Ирка стала несколько суеверной.

Захмелевшая хозяйка дома в порыве энтузиазма порывалась бежать на кухню и срочно печь свадебный торт, а я вызвалась махнуть за тортом в кондитерскую. Сладкоежка Колян предлагал компромисс: Ирка печет один торт, а я еду за вторым. Потомственный лакомка Мася громко скандировал: «Тор-тик! Тор-тик!» – а происхождение вождленного торта было ему до лампочки. В разгар дискуссии размякший, как подтаявший пломбир, Катькин папа вдруг зазывно сказал:

– Послушайте! А давайте прямо сейчас махнем все в горы?

Горы как-то не вписывались в контекст беседы о тортиках. Все, кроме Масяни, озадаченно замолчали, а Андрей Петрович продолжал нас агитировать:

– Нормальной свадьбы у ребят не было, так организуем праздничный выезд на природу! Представьте: шашлык, сауна, катание со снежных гор!

– Снега же почти нет! – напомнила я.

Зима в городе выдалась морозной, но малоснежной. Это ее не красило.

– Так я же говорю: в горы поедем! – не смутился Катькин папочка. – Там у меня неплохая дачка, все удобства, и снега вокруг – завались!

Завалиться в снег после баньки было бы, пожалуй, неплохо.

– Что скажете? – неуверенно спросила я мужа, сына и подругу.

– Шашлык! – мечтательно сказал Колян.

– Сауна! – в тон ему молвила Ирка.

А малыш высказался гораздо более пространно:

– Коля будет кататься с горы на санках, играть в снежки и лепить снеговика!

Минут за двадцать мы в общих чертах спланировали выездное мероприятие. Поедем на двух машинах, Иркину «шестерку» не трогаем, ей по заснеженной горной дороге не пройти. У партнеров-компаньонов у каждого по джипу, на них и двинемся. Компания такая: молодожены, счастливый отец и тесть – два в одном – Андрей Петрович, его дама сердца, нас четверо, а также свидетели свадебной церемонии – подружка Катерины Дина и приятель Вадика Антон.

Наконец из комнаты со сломанной дверью вышли умиротворенные молодожены. Вадим наши намерения горячо одобрил, а Катька была верна себе: она отстраненно помалкивала и то и дело закрывала глаза.

– То ли нас всех видеть не может, то ли снова кожное зрение тренирует? – заволновалась Ирка.

– Или просто устала до упаду и спать хочет, – примирительно сказала я. – Денек нынче выдался беспокойный!

С этим все согласились, поэтому единогласно постановили объявить сегодня ранний отбой, а уже завтра с утра ехать в горы. Молодожены Катька и Вадим и их общий отныне папенька Андрей Петрович убыли восвояси, а мы остались.

– А весело нынче было! – воскликнул Колян, обрушившись на диван сразу же после ухода гостей.

– Думаю, завтра будет еще веселее! – пробегая в кухню со стопкой грязных тарелок, заявила Ирка – и, как выяснилось позже, не ошиблась с прогнозом.

Идея ясновидения все сильнее овладевала массами.

7

Андрей Петрович предупредил, чтобы мы были готовы к отъезду в семь, и оказался огорчительно пунктуален. Темно-серый, цвета графита, курихинский «Лендровер», накануне в потемках показавшийся нам черным, слоненком затрубил у ворот Иркиного дома в самом начале восьмого.

Спасибо хозяйскому будильнику, мы к этому моменту уже были на ногах, но всем, кроме Масяни, это стоило большого труда. Душераздирающе зевающий Колян был хмур, раздражителен и всем своим поведением живо напоминал медведя-шатуна, на беду разбуженного среди зимы. С сонной до отупения Ирки можно было писать вполне натуралистический портрет зомби, а я лично чувствовала себя свинцовым грузилом на конце лески, которую ежеминутно теребит беспокойный рыболов: едва я погружалась в сонный омут, как что-то выдергивало меня из темной тихой заводи. Если бы не Масяня, бодрый, как утренний напев пионерского горна, я бы заснула на ходу.

На нашем самочувствии сказались вчерашняя неумеренная выпивка и поздний отбой. Расставаясь с Курихиными – Тараскиными, мы уговорились лечь пораньше, но исправно залег в спячку в двадцать два ноль-ноль только Мася.

День затянулся по вине Ирки. Ей здорово испортила настроение и перебила сон ревизия разрушений, произведенных в ее жилище тем незабываемым вечером. Подруга долго с тоской во взоре оглядывала дверной косяк с дырками от вывернутых с корнем петель, тяжело вздыхала и не успокоилась, пока мы общими усилиями не починили дверь, для чего пришлось постучать молотком и пожужжать электрическим шурупвертом. При этом плотником шоу Масяня еще присутствовал и даже внес свой вклад в искусство, организовав звуковое сопровождение процесса. То есть сам-то он не орал, а вот Колян, на ногу которому ребенок уронил молоток, издал целую серию громких звуков. Он начал с простой распевки «А-а-а!» и очень быстро дошел до бармалейской песни на стихи собственного сочинения, особенно впечатлив публику в лице малыша устрашающими строками:

– Вот кто-то у меня
Получит сейчас ремня!

Оценив суровую правоту папиного экспромта, Маша поторопился откланяться и отправился на бочок, а взрослые еще некоторое время возились, восстанавливая светомаскировку на окнах. Штору в гостиной оборвали мы с Ирккой, а в Катькиной комнате молодые в ходе бурного примирения после ссоры умудрились выдрать с корнем одно из креплений карниза. Шуруповерт опять пригодился, но, так как среди нас не было ни одного толкового мастера-строителя, восстановительные работы затянулись.

Зато между делом мы еще раз убедились, как не права была Ирка, называя племянницу Моржика бледной немочью. С виду тусклая и вялая, на самом деле Катерина Курихина оказалась чертовски темпераментной особой! Чего стоила хотя бы та надпись на стекле, которую мы случайно обнаружили в ходе возни с карнизом и занавесками: «К – Т = +».

– Что за странная формула? – удивилась Ирка.

Я в этот момент балансировала на стремянке, с помощью шуруповерта закрепляя в декоративном деревянном бруске над окном «ножку» карниза и сквозь зубы ругая мужиков, не способных управиться с молотком. Мое злобное шипение было адресовано Коляну, который сидел на диване, со страдальческим видом прижимая к ушибленной упомянутым молотком стопе холодный компресс, и отстраненно наблюдал за моим акробатическим этюдом со строительным инструментом. Я как раз обозвала супруга промежуточным звеном между обезьяной и человеком, когда Ирка упомянула о формуле. Подумав, что подруга заинтересовалась моими словами, я язвительно объяснила:

– Это не совсем формула, просто известная науке последовательность превращения: австралопитек – неандерталец – гомо сапиенс. Поскольку неандертальцы совершенно точно умели обращаться с примитивными инструментами, у них были каменные топоры, я полагаю, что место Коляна на эволюционной лестнице где-то за питекантропом.

– Да ничего подобного! – тут же заспорил со мной обиженный супруг. – Это вы, гомо сапиенс – промежуточное эволюционное звено между неандертальцами и нами, гомо компьютерус! А у нас, представителей этого высшего вида, навыки работы с примитивными инструментами за ненужностью атрофировались. В век высоких технологий умение обращаться с молотком – это такой же атавизм, как аппендикс!

– Слушайте, вы, умники! – не выдержала Ирка. – Если вы оба такие грамотеи, расшифруйте мне смысл формулы: ка минус тэ равно плюс.

– Кажется, ты тоже потеряла промежуточное звено! – сказал Колян, ехидно посмотрев на меня. – Между минусом и знаком равенства должно быть что-то еще, да и после плюса тоже. Странная какая-то у тебя формула, похоже, ты ее всю переврала.

– Да нет же, я читаю с листа! – возразила Ирка, постучав пальцем по стеклу.

Я спустилась с лестницы и тоже приблизила физиономию к темному окну. Ирка жаркодохнула на стекло, и на нем проступили буквы, начертанные, по всей видимости, пальцем.

– Это Катька намалевала, точно, – уверенно сказала подруга. – Есть у нее такая детская привычка. Я специально перед ее приездом всю пыль с мебели стерла, потому что знаю: попадись Катерине на глаза подходящая поверхность, она непременно начнет на ней каракули рисовать. Мокрый песок, снежный наст, пыльная полировка, запотевшее стекло – ей все годится!

– Это романтическая манера всех влюбленных, выписывать вензеля на стекле, как Пушкинская Татьяна Ларина! – сказала я. – Ты сама разве никогда не писала: «Ира плюс Имярек равно любовь»?

– Не было у меня никаких имяреков! – напряглась подруга. И тут же отмякла, с удовольствием предалась воспоминаниям: – В первом классе я писала: «Скворцова плюс Иванов», во втором – «Скворцова плюс Петров».

- А в третьем – «Скворцова плюс Сидоров»? – съязвил Колян.
- А в третьем классе я увлеклась легкой атлетикой и некоторое время была слишком занята, чтобы отвлекаться на всякую ерунду, – ответила Ирка. – Кажется, в тот период я видела в мечтах не сердце, пронзенное стрелой, а кубок детско-юношеской спартакиады.
- Умница! – я похвалила подругу, продолжая рассматривать «формулу» на стекле.
- Ну, чемпионки из меня не получилось, – с сожалением призналась она.
- Я не об этом. Ты упомянула сердце, пронзенное стрелой, и я разгадала смысл Катькиной записи, так что мы обе с тобой умницы, – похвалилась я. – Смотри внимательно на последний символ. Видишь, под плюсиком еще значок?
- Черточка? – присмотрелась близорукая Ирка. – Получается, это не плюс, а плюс-минус?
- Что означает приблизительную точность, – подал голос математически образованный Колян.
- Это не черточка и не минус, скорее перевернутый полумесяц! – сказала я.
- Символ общества Красного Креста и Полумесяца? – прищурилась подруга. – Наверное, его навеяло Катьке посещение травмпункта.
- Да нет же! Полумесяц, опрокинутый горбом вверх, и над ним плюсики – это символическое обозначение могилки! – воскликнула я. – Крестик на холмике, никаких сомнений!
- Что, в травмпункте кого-то не спасли? – спросила Ирка, силясь понять, чем был навеян этот пугающий символ.
- Ирусик, забудь про травмпункт и прочие богоугодные заведения! – попросила я. – Вникни: ты в начальной школе писала формулу сложения: «А плюс Бэ равно любовь», а Катерина вчера начертала формулу вычитания: «А минус Бэ равно смерть»!
- Тут не А минус Бэ, а Ка минус Тэ! – напомнила подруга.
- Правильно, видно, Катерина по старой школярской привычке называет себя и своего любимого по фамилиям: Курихина и Тараскин! – кивнула я.
- А! Значит, это Катька после ссоры с Вадиком так распсиховалась, что уже видела свою молодую жизнь законченной! – Ирка наконец-то поняла, в чем дело, и искренне этому обрадовалась. – Между прочим, когда она вернулась домой вся такая взвинченная, как не знаю что, обручального кольца у нее на пальце не было! Я бы заметила его, когда она махнула на меня рукой.
- Когда молодые вышли из комнаты после примирения, кольцо у Катьки было, – вспомнила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.